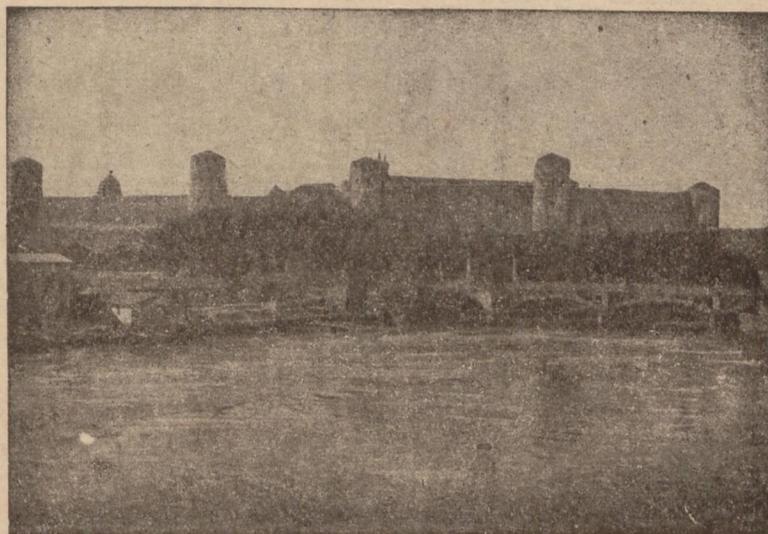

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ

Литературно-общественный
журналъ.

ENSV
Riiklik Avalik
Raamatukogu

Содержаніе.

1. Личность Христа въ освѣщеніи В. И. Крыжановской-Рочестеръ	49
2. * * — стихотвореніе Бориса Вильде	50
3. Скорбь звонаря — разсказъ В. Никифорова-Волгина	50
4. Въ четыре руки — стихотвореніе Евгенія Клеверъ	51
5. Я читалъ вамъ стихи — стихотвореніе Леопольда Аксъ	52
6. Грунькинъ омутъ — разсказъ Бориса Свободина (окончаніе)	52
7. Друзьямъ союзникамъ — стихотвореніе Александра Котомкина	55
8. Мать королю — стихотвореніе Леопольда Аксъ	56
9. Дьяконъ Гусакъ — разсказъ Влад. Гущика	56
10. Да будетъ Воля Твоя — отрывокъ изъ поэмы „Христось, Русь и Сатана“ Бориса Свободина	58
11. Съѣздъ русской молодежи въ Пюхтицкомъ монастырѣ	59
12. * * — стихотвореніе Л. Виснапу	65
13. Мелочи провинціальной жизни — на рубежѣ Россіи	65
14. Отклики	67
15. Шахматы	69
16. Всякая всячина	70
17. Почтовый ящикъ	71

**Оптово-розничная
мануфактурная торговля**

Г. М. РУМЯНЦЕВЪ

Нарва, Вышгородская ул. 19.
Телефонъ 164.

Отдѣленіе:

Почтамская ул. 73.

Влад. Гущикъ

**„ХРИСТОВЫ
ЯЗЫЧНИКИ“**

Сборникъ разсказовъ.

Требуйте всюду!

Коробочная мастерская

А. СЕМАНЪ

Нарва. Väike aguli tän. № 27.

Скорое и аккуратное выполненіе коро-
бочныхъ работъ. Цѣны самыя дешевыя.

Съ почтеніемъ

А. Семанъ.

ПОЛЕВЫЕ ЦВЕТЫ

Литературно-общественный журнал.

Подъ редакціей В. Никифорова-Волгина.

Отвѣтственный редакторъ Л. Аксъ.

Подписку и всю корреспонденцію просятъ направлять на имя секретаря редакціи Helene von Dehn, по адресу: Eesli. Narva. Valge tän. Postimaja 36-26.

№ 3-4

Сентябрь-Окт.
1930

Личность Христа

въ освѣщеніи В. И. Крыжановской-Рочестеръ.

Въ нашу редакцію доставлено неопубликованное письмо В. И. Крыжановской-Рочестеръ. Въ корнѣ не соглашаясь съ ея взглядами на личность Христа — Бого-Человѣка, мы печатаемъ его какъ интересный документъ, характеризующій мировоззрѣніе покойной писательницы-окультистки.

Я получила Ваше письмо и тѣ вопросы, на которые Вы хотите получить отвѣтъ. Что касается моего взгляда на „Американскій треугольникъ“, то я должна сказать такъ: это масонскій знакъ, это та змѣя, которая обвила міръ и подкапывается подъ алтари церквей. Эти господа увлекаютъ молодежь и обезличиваютъ образъ Христа. То, что я Вамъ сообщу въ этомъ письмѣ, не должно подрывать Вашу вѣру и не считайте кощунствомъ мои мысли о Христѣ.

Христось себя за Бога никогда не выдавалъ. Онъ говорилъ: „Имѣйте вѣру и вы будете творить больше меня. Вѣра ваша способна сдвинуть гору“. Христось, какъ и Будда, какъ Кришна, былъ великимъ членомъ безсмертныхъ, достигшій той силы, которая помогла Ему создать христіанскую религію. Христось былъ высшимъ посвященнымъ, обладавшимъ силой повелѣвать стихіями. Онъ укрощалъ бури, ходилъ по водѣ, воскрешалъ мертвыхъ и Онъ, какъ полагаютъ,

не умеръ на крестѣ. Не считайте мои слова за ересь. Христось не одинъ ушелъ отъ земли съ тѣломъ. Священное Писаніе упоминаетъ объ Енохѣ, пророкѣ Иліѣ, Божьей Матери, взятыми живыми на небо. Давать этому названіе чуда не слѣдуетъ. Конечно, до сихъ поръ все это было покрыто мракомъ тайны, извѣстной только посвященнымъ. Теперь, когда ведется борьба за религіозный культъ и христіанскій главнымъ образомъ съ адскими силами, которыя хотятъ осмѣять, надругаться надъ вѣрованіями, выставить все, какъ лживыя, легендарныя бредни слабоумныхъ фанатиковъ и шарлатанство служителей церкви, чѣмъ вы защитите Вашу вѣру, если Вы не будете опираться на оккультныя науки. Вся исторія Христа озарена оккультными явленіями. Онъ ближе намъ становится, когда мы знаемъ, что Онъ прошелъ постепенно всѣ степени посвященія и достигъ того могущества, которое дало Ему власть повелѣвать стихіями и познать тайны мірозданія, что Онъ поборолъ всѣ слабости, свойственныя человѣку. Страшное знаніе, которымъ Онъ обладалъ, заставило Его сказать: „Блаженны нищіе духомъ“. Онъ зналъ, какая страшная вещь знаніе, тотъ ужасный путь слабаго, немощнаго духа отъ протоплазмы до совершеннаго знанія, всѣ тѣ страданія, которые должна пройти всякая созданная Творцомъ божественная искра, чтобы вырваться изъ оковъ матеріи. Вѣрьте,

понявъ Его, ваша вѣра будетъ еще крѣпче. Онъ предъ восхожденіемъ къ свѣту позналъ человѣческую душу, ея порывы къ свѣту изъ тьмы, слабости и паденія. Онъ зналъ страшный, непоколебимый законъ Кармы, постигающій всякое твореніе, и Онъ сказалъ: „не дѣлай другому того, чего не хочешь, чтобы съ тобой случилось“ — законъ отомщенія — и чтобы покорялись судьбѣ, т. е. Кармѣ своей — „да будетъ воля Твоя“. Всѣ бѣдствія и несчастья происходятъ отъ ненависти одного къ другому. Эта ужасная ненависть, пожирающая, толкающая міръ къ гибели, заставила Его сказать: „Возлюбите другъ друга; не суди и не судимъ будешь“. Царство небесное берется силой (волей), той выработанной волей, которая можетъ двигать горы. Христосъ, обоготворенный человѣкъ, ближе

и понятнѣе намъ, чѣмъ Божество совершенное, поэтому не бойтесь познать въ Христѣ великаго посвященнаго, безсмертнаго.

Пока объ этомъ довольно. Надѣюсь я ясно выразилась, но если вы что-нибудь не понимаете, то спросите.

Готовится къ печати

СБОРНИКЪ

стихотвореній и пѣсенокъ

Леопольда Аксъ.

* *
*

*Всю ночь тлѣ соловей.
Былъ блѣдень мѣсяць, звѣзды были ярки.
Мы до утра сидѣли въ старомъ паркѣ
Подъ сводами поникнувшихъ вѣтвей.
Всю ночь тлѣ соловей.*

*Всю ночь тлѣ соловей.
Я ей рассказывалъ — мечтательной дикаркѣ —
Исторію любви Дауры и Петрарки,
И видѣлъ я, какъ за ночь сталъ новый,
Серьезнѣе — капризнѣе — взмахъ бровей...
Мы до утра сидѣли въ старомъ паркѣ.
Надъ головами нашими на аркѣ
Изъ старыя, тяжкыя, никнувшихъ вѣтвей
Всю ночь тлѣ соловей.*

Борисъ Вильде.

Скорбь звонаря.

Лиловымъ вешнимъ вечеромъ сидѣли мы съ глухимъ звонаремъ Осипомъ на колокольнѣ подъ большимъ колоколомъ и ждали, когда крикнетъ сторожъ Іона изъ березовой ограды:

— Эй, звонари, трезвонь къ Евангелію!

Въ древней церкви шла всенощная въ честь Николы Вешняго. На паперти, въ неяркомъ кругѣ полевыхъ просторовъ, перелѣсковъ, дымнаго горизонта, духовенство поселка Бѣлаго служило литію.

Медленно гасло небо.

Гудѣли старинные монастырскіе напѣвы, завивая вечернюю землю молитвеннымъ утишеемъ,

Мы долго молчали. Осипъ низко опустилъ голову, весь спрятался въ полушубкѣ, думалъ о чемъ-то. Можетъ быть о своей глухотѣ, что мѣшала ему слышать тихій летъ пѣснопѣній. Иногда подымалъ голову, спрашивалъ:

— Звонить?

Я отрицательно качалъ головой: рано еще...

Осипъ смотрѣлъ, какъ ныряли въ пролеты колокольни бѣлые голуби, улыбался и пѣлъ негромко:

— Свѣте тихій... святыя славы...

Колокольня Николы Утѣшнаго — высокая, старинная, при царѣ Іоаннѣ Грозномъ воздвигнутая. На мшистой почернѣвшей стѣнѣ чья-то невѣдомая рука на вѣки выбила

славянскую вязь: „Лѣто 1556. Благовѣстуй землѣ радость велію“...

Лѣстница на колокольню — крутая и скрипучая. Когда поднимаешься по ея истертымъ исхоженнымъ ступенямъ невольно думаешь о пяти столѣтіяхъ, прошумѣвшихъ надъ древней колокольней, о старой Руси, о звонаряхъ, много вѣковъ „благовѣствовавшихъ землѣ радость велію“.

Колокола...

Большой, „малиновый“ — ударить ладонью по чернымъ его щекамъ — гудитъ далекимъ перекатомъ грома.

„Воскресный“ — златозвонный, переливный, словно солнцемъ пронизанный.

„Великопостный“ — строгій чернецъ, въ гудахъ его — весенній вечеръ, таяніе снѣговъ, покаянныя слезы, свѣтъ звѣздистый четверговыхъ свѣчей.

Маленькіе колокола — „наигрыши подголоски“ — еле слышенъ ихъ стеклянный дѣтскій говоръ въ гулѣ большого колокола.

За колокольней, тихой, какъ Богова келлія, запѣли:

— „Нынѣ отпускаеши“...

Осипъ засмѣялся. Съ нимъ это часто. Засмѣется ни съ того, ни съ сего.

Господь его знаетъ, съ какой поры онъ сталъ юродивымъ. Сказываютъ, съ того времени, когда съ Борисо-Глѣбскаго собора въ городѣ снимали золотые кресты, иконы на стѣнахъ закрашивали и надъ входомъ прибавляли вывѣску: „Народный домъ памяти Ленина“.

Толкнулъ меня Осипъ:

— Слышалъ? Въ селѣ Воронѣхъ крестный ходъ ходилъ къ Николѣ Народолюбцу. Ну, а озорники камнемъ запустили въ образъ Спаса Нерукотворнаго. Слышь, камнемъ! Стекло разбилось и слезками Спасовыми на землю посыпалось. Какъ-же это такъ, а?

Закрывъ лицо землистыми ладонями, Осипъ продолжалъ, не то смѣясь, не то придушенно плача:

— Въ Покровскомъ церковь совсѣмъ закрыли. Сиротой стоитъ. Ни панихидки отпѣть, ни такъ помолиться. Въ оградѣ парни съ дѣвками балуются, гармонь да плясы. Что-жъ это, а? Какъ же это можно, чтобы замѣсто колоколовъ, гармонь, скажемъ?

Пытливый, скорбный голосъ бился о колокола и колокола гудѣли. А пока плакала мѣдь, Осипъ говорилъ, не то съ самимъ собой, не то съ потревоженной мѣдью:

— Былъ я, онамеднясь, въ городѣ. Зашелъ „за нуждою“. Гляжу, — на полу листы съ буквами церковной печати! Подымаю. Не повѣришь-ли листы изъ Евангелія. Слышь — Евангелія! Какъ-же это, а?

Мерцалъ утишный вечеръ. Въ оградѣ шелестѣли березы. Ворковали голуби и по зеленымъ ржанымъ полямъ пробѣгалъ вѣтеръ. На колоколахъ пылало уходящее солнце...

Весенняя тишина и мягкая печаль...

— Собралъ я святые листочки, на рѣкѣ перемыль, связалъ ихъ бичевочкой да и пустилъ въ воду. Пускай, думаю, плывутъ отъ человѣчьяго поруганія...

И совсѣмъ ужъ тихо добавилъ глухой звонарь:

— Въ набатъ, порой, ударить хочется. Ночью ударить, всѣхъ пробудить... Душе моя, душе моя возстани — что спиши? Ко-нецъ приближается! Какъ же — съ храмовъ Господнихъ святые кресты снимать, да какъ можно камнемъ въ образа — въ Бога! Чуетъ мое сердце, — не къ добру сіе поруганіе. Большая отъ этого скорбь произойдетъ. Въ набатъ, въ набатъ!

— Да, — киваль онъ сѣденькой бородкой — оторвался народъ отъ старой дѣдовой жизни, какъ листъ осенній, и упалъ въ самую что ни на есть грязь. Съ неба синяго, въ грязь... Кому повѣмъ печаль мою? Только вотъ колоколамъ обо всемъ и расскажешь...

Крикнулъ сторожъ Іона въ березовой оградѣ:

— Эй, звонари! Трезвонь къ Евангелію...

В. Никифоровъ-Волгинъ.

Въ четыре руки.

По клавишамъ снѣжнымъ
Мы играли въ пятнашки.
Удтала шриво,
А я дожнялъ.

Какъ звонкимъ и нѣжнымъ
Натъвали костяшки.
Наибалась красиво,
А я цѣловалъ.

Сердилась, смѣялась...
Только: цуби просим.
Какъ взволнованно пусто
Гудѣли басы.

Жизнь идѣ-то осталась.
Мы совсѣмъ позабыли,
Что на улицахъ пусто,
И били часть.

Евгений Клевверъ.

Я читалъ вамъ стихи...

*Я читалъ вамъ стихи. Электрической свѣтъ
Хохоталъ на изгибъ камина
И бросалъ свой игривый зеркальный отсвѣтъ
На изящную ткань крепъ-де-шина.*

*Я читалъ для усталыхъ знакомыхъ тѣней,
Для фарфоровыхъ рукъ, для камина,
Для порыва волосъ, для излома бровей,
Для капризной волны крепъ-де-шина.*

*И пришла къ намъ любовь. Электрической свѣтъ
Улыбался въ забытомъ бокалѣ
И бросалъ свой игривый зеркальный отсвѣтъ
На часы въ голубомъ будуарѣ.*

Леопольдъ Аксв.

Друнькинъ омутъ.

(Разсказъ.)

(Окончаніе.)

2.

Много-много лѣтъ кануло безвозвратно въ вѣчность. Краснымъ полымемъ вспыхнула на взбаломученной войною Руси Заря Свободы. Огненнымъ смерчемъ и кровавымъ потокомъ ураганно пронеслась надъ Родною Землею революція, беспощадной саранчей, что черной тучей, окутала она ея необозримые поля и тучныя нивы и зловѣщею птицею жалобно и жутко зафыркала въ вѣковыхъ дремучихъ лѣсахъ ея...

Старая Русь запылала...

Въ Красномъ Питерѣ, воцарился на свергнутомъ тронѣ Царь-Голодъ. Люди вымирали.

Кто былъ познергичнѣе и предприимчивѣе, ѣздили мѣшечничать, занимаясь товарообмѣномъ съ деревней.

Въ одну изъ такихъ поѣздокъ повстрѣчался я со знакомыми прилужскими крестьянами. Разговорились.

— Ну, а какъ у васъ? Поди, тоже не медомъ мазаны краюхи хлѣба? — спросилъ я, угощая ихъ папиросами.

— Да какъ тебѣ сказать, милъ-человѣкъ? Не очень-то сладко, вѣстимо, и у насъ. Но все же покуда безъ хлѣбушка не сидимъ — Богъ милуетъ, а земля носитъ. А ты что

везешь-то на обмѣнъ? Можетъ, сподручное что?

— Соль.

— Да ну?! Штука важнецкая. Много-ли?

— Пуда два съ гакомъ, — улыбнулся я.

— Сыпь къ намъ, милъ-человѣкъ! Всего дадимъ: хлѣба, живности, яицъ, масла, свининки соленой, либо баранинки, яблоковъ можно... Самогономъ угостимъ, если не побрезгуешь, можно и пивцомъ — на Фрола варимъ... Опять-таки рыбешка вяленая, въ прокъ заготовленная есть: сырть, лини съ Торошинскаго озера...

— И то ладно, — ухмыльнулся я — все не тухлая совѣтская вобла...

Такъ и порѣшили. Вылѣзли въ Лугѣ.

У вокзала переминалась пара сытыхъ гнѣдыхъ лошадокъ, запряженныхъ въ рессорный франтоватый тарантасъ.

— Чьи?

— Ковалева Павла, съ Косогорья.

— Здорово, Павелъ! Или не призналъ меня?

— Какъ не узнать! Исхудали вы только дюже, а личность знакома...

Павелъ снялъ картузь и протянулъ руку.

— Садитесь — въ моментъ домчу. Гостемъ будете!

Кое-какъ умѣстились втроемъ. Лошади тронули. Проѣхали городъ. Вотъ и рѣка,

мость, знакомый боръ. И вспомнилась мнѣ почему-то пушкинская „Русалка“.

Невольнo къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невольная сила...
Знакомыя мѣста...

А вотъ и Косогорье. Ковалевская хата, сурикомъ крашенная, высокая, съ побѣленными трубами да рѣзными пѣтухами на рамочной обшивкѣ, на самомъ выгонѣ, что на отлетѣ, виднѣется. По косогору яблочный садъ, усыпанный золотисто-алыми плодами, къ самой дорогѣ снижается, окруженный высокимъ плетнякомъ...

— Пріѣхали! Вылазь, кто въ Бога вѣруеть, — шутить Павелъ. — Эй, бабочки! Гостей принимайте! Съ дорогимъ гостинцемъ пріѣхали — сольцы привезли...

Изъ избы повысыпали ребятишки, бабы.

— Кого Богъ жалуетъ?

— Шпекулянта привезли, — смѣется Павелъ.

Выпили, закусили, начаевничались, нагусторились всласть, поспорили, какъ водится, безъ всякаго результата и спать залегли.

— Утро вечера мудренѣе, чай, да и баба по-утру добрѣе да сговорчивѣе: за пудъ соли теленка угробятъ, хе-хе-хе, — пошучивалъ Павелъ, загасивъ лампу. — Ужо Ленинъ лестричество проведетъ, хе-хе-хе... Спокойной ночи!

Душно въ хатѣ. Народу въ ней немало набралось. Не могу заснуть, какъ ни вертѣлся, да и отъ самогона съ пивомъ голова съ непривычки разболѣлась. Одѣлся, вышелъ на крыльцо и сѣлъ на перила, любуясь тишиной августовской звѣздной ночи.

А окрестъ, дѣйствительно, панихидная тишина: ни звука! Словно вымерло все. И ночь своимъ чернымъ пологомъ, что траурной тафтой, окутала все Косогорье.

— Русь умирающая, Русь уходящая, — набѣжала вдругъ докучная мысль, и я, содрогнувшись, испугался даже ея. А сердце неспокойно. Волнуетъ что-то его. Неужели же угасшія зори юности опять заалѣли въ душѣ?..

— Гдѣ-то Груня теперь? Узнаетъ ли при встрѣчѣ? Спросить бы Павла о ней, да неудобно какъ-то...

Скрипнула дверь, и смотрю на порогѣ старуха стоитъ, лѣтъ подѣ шестьдесятъ, морщинистая, сухопарая, въ повойникѣ на сѣдой головѣ, на плечахъ армякъ заплатанный, что халатъ арестанскій, болтается, а на скуластомъ пергаментномъ лицѣ ехидная-преехидная усмѣшка да раскосые азіатско-черные глазки посмѣиваются.

— Слышь-ка, господинъ шпекулянтъ, а ты не живаль ли допрежъ въ нашихъ мѣстахъ?

— А что, бабка?

— Да ужъ больно личико твое знакомо мнѣ, словно сродни приходится. Даже не спится: лежу на палатяхъ да все думаю, не ень ли самый и есть. Ейный, стало быть...

— Чей ейный? — невольнo улыбнулся я, разглядывая старуху, какъ отживающій типъ Старой Руси: баба-Яга да и только, метлы въ рукахъ лишь недостаетъ.

Старуха подобрала фалды армяка и, наклонясь ко мнѣ, прохрипѣла:

— Да Грунькинъ, падчерицы моей...

Сомнѣнья не было — мачеха Груни.

— А гдѣ же она? Замужемъ, пооди? — спросилъ я, чувствуя, что краснѣю.

— И-и, батюшка! Эка, спохватился когда! Годковъ, почитай, пятнадцать уже, какъ она, сердешная, утопла...

— Что-о?! — вскочилъ я и схватилъ старуху за болтающійся рукавъ армяка. — Утонула? Гдѣ же?

— Да что грѣха таить! Покаюсь ужъ, какъ на духу, тебѣ. Вотъ онъ, грѣхъ-то, гдѣ коломъ осиновымъ стоитъ, — ударила она себя по плоской груди костлявой рукой. — Изъ-за меня, быдто, сказываютъ люди, и утопла она. А я что? Одного добра ей, дурищѣ, желала, какъ передъ Истиннымъ, говорю тебѣ, въ люди вывести прочила, дурь изъ головы повытряхнуть хотѣла...

— Какъ же случилось это несчастье?

— Очень просто, подѣ самого Ивана-Купала. Пошла, вишь, она съ дѣвками въ ночь въ зарѣчный боръ папортниковъ цвѣтъ искать да вѣнки сплетенные въ эту самую лещевую заводъ бросать. Завороженной ея, заводъ-то, люди давно уже почитали: что ни годъ — непременно тамось кто-нибудь да утопнетъ. Тогда, значить, и вода на убыль пойдетъ, а то все съ весны полой стоитъ...

— Ну, и что же?

— Ну, и была такова. Въ эту самую проклятую заводъ съ обрыва и шарахнулась — оступилась, зная, въ темнотѣ-то, анъ нарочно. Дѣвки, вѣстимо, вой подняли, а что толку? Прибѣгли на деревню, а мужики по случаю праздника всѣ пьяно-распьяно. Поохали—поохали да на утро только и поѣхали въ челнахъ баграми шарить. Да гдѣ ужъ! Сказываютъ, безъ днища заводъ-то, что омутъ. Такъ ни съ чѣмъ и вернулись. Справили поминки, опять наладились зелья, меня чуть не убили, хату мою спалили грозилась. Спасибо, урядникъ пригрозилъ имъ острогомъ...

— Такъ и не нашли ее?

— Гдѣ ужъ найти! Подѣ Петра и Павла только и всплыла сама за поворотомъ, у отмели, супротивъ Сенькиной бани, гдѣ его жена еще угорѣла до смерти въ Петровъ

постъ... Да не сразу и признали ее, горемычную: синяя, опухшая вся, только по косамъ и распознали ее. Похоронили голубушку за церковной оградой и креста надъ могилой священникъ о. Афанасій поставить не позволилъ. А не понималъ того, что она въ монастырѣ послушницей была — Богу служила...

— Какъ въ монастырѣ? По доброй волѣ?

— Зачѣмъ по доброй волѣ? Я зарокъ Господу Богу дала, ну, и отдала ее туда св. Пантелеймону во служеніе, за то, что ёнъ хворь съ меня послѣ родовъ согналъ. Только не выдержала она искусу—убѣгла изъ монастыря-то и замужъ за Кольку Чубарова вышла, не спросясь, безъ родительскаго согласія и благословенія. Колька-то непутевый былъ, въ острогѣ все больше сиживалъ. Такъ она, вишь, спасти его задумала, на истинный путь наставить захотѣла. А ёнъ, значить, изъ-подъ самага вѣнца-то и угодилъ въ острогъ, а оттуда въ каторгу за убивство становаго кандальникомъ въ Сибирь пошелъ... А допрежъ сколько богатѣевъ за нее сваталось! Ни-ни. Такъ ни съ чѣмъ всѣ женишки и отѣхали. Король дѣвка была, словъ нѣтъ! На что ужъ лавочникъ нашъ Дементій Егорычъ — и того отвела, а ёнъ тысячу рублей мнѣ въ руку совалъ, только приведи, гритъ, ее къ нему, когда она съ Колькой-то обвѣнчалась да на соломенныхъ правахъ, хе-хе-хе, и осталась — ни дѣвкой, ни бабой...

Меня передернуло отъ ея цинизма, и я, сойдя съ крыльца, побрелъ въ сторону рѣки — подъ косогоръ.

— Ты куда же? Обожди, красавецъ! — услышалъ я ея скрипучій, какъ у дергача, голосъ. — Ужъ не въ Грунькинъ ли омутъ ты съ горя пошелъ? Аль порѣшить себя собрался, хе-хе-хе?

Я остановился и въ упоръ злобно взглянулъ на старуху, нащупывая въ карманѣ револьверъ.

„Пристрѣлить бы тебя, какъ гадину“, — подумалъ я: — „вотъ сейчасъ. И рука не дрогнула бы...“

Старуха, словно угадала мою мысль, боязливо свернулась вся въ жалкій сѣрый комочекъ и, съезжившись, попятилась за дверь, злобно захихикавъ на ея порогѣ:

— Поди, соскучала она по тебѣ, хе-хе-хе...

И хлопнула дверью.

Я спустился къ рѣкѣ, втихомолку плача по бѣдной Грунѣ.

Чуть брезжилъ разсвѣтъ. Свинцовымъ сплавомъ, холодомъ могильнымъ глянула на меня знакомая рѣка. На берегу лежали мертвецами заброшенные, разбитые, продырявленные и опрокинутые вверхъ дномъ рыбацкіе челны. Мостокъ былъ смытъ, очевидно, осеннимъ разливомъ и на его мѣстѣ кое-гдѣ

изъ воды торчали прогнившія сваи. Красавецъ — боръ, гдѣ, помню, мы съ Груней ходили по грибы, былъ весь повырубленъ — одни пни торчали вдоль простѣки.

И такъ пусто, такъ голо и бѣдно, такъ неприютно и жутко было окрестъ...

Я вернулся въ хату и, разбудивъ тихонько Павла, брата Груни, велѣлъ ему запрягать.

— Куда же такъ вдругъ спозаранку? — спросилъ онъ, потягиваясь и позѣвывая спронею.

— На вокзалъ. Поѣду въ Струги Бѣлые... Павелъ недоумѣнно пожалъ плечами, почесалъ затылокъ, поскребъ пятерней поясицу и проронилъ съ явной неохотцей:

— А насчетъ сольцы какъ же? Значить, опять на прѣснинѣ сиди?

— Тебѣ дамъ, сколько хочешь, а старухъ — ни золотника. Только живѣе запрягай! Тяжело мнѣ здѣсь, Павелъ, неприютно...

Павелъ покосился на меня и, тряхнувъ черными кудрями, молча вышелъ въ сѣни.

Черезъ полчаса я уже сидѣлъ въ тарантасѣ.

Старуха выскочила на крыльцо и, злобно хихикая, проскрипѣла:

— Эй, шпекулянтъ, а патреть Грунькинъ хошь посмотришь? Давай пять фунтовъ соли — покажу! А не дашь — сохнуть тебѣ отъ тоски по ней...

Я угрюмо молчалъ, а Павелъ, оглянувшись, смачно сплюнулъ и крѣпко выругался.

— Ну, и языкъ! Что жало змѣиное... Бѣдная Груня, царство ей небесное, изъ-за нея то, ехидны полосатой, и утопла. Въ каторгу бы ее, проклятую, за это! Да нича, другъ, не подѣлаешь нынче съ нею. Весь міръ въ своихъ щупальцахъ сейчасъ держитъ. Мой батька-то, ейный мужъ, предсѣдателемъ селькома состоитъ, что хотить—то и творитъ, а въ ней, стервѣ, души не чаеть — приворожила, знать, старика... Эхъ, былъ бы живъ дѣдка Акимъ! Показалъ бы онъ ей за Груню кузькину мать... А ну, милые вы соколики мои!

И онъ погналъ лошадей крупной рысью. Грустную, скучную пѣсню запѣлъ поддужной колокольчикъ...

На востокѣ вздымалось красно-огненное зарево.

„Что это — заря Новой Жизни или пожарище, которое испепелитъ Старую, вѣтхозавѣтную Русь?—думалъ я, тревожно всматриваясь въ медленно вздымавшійся надъ горизонтомъ огненный дискъ, и невыразимой болью сжалось сердце мое въ предчувствіи грознаго Неизбѣжнаго...“

А на безпечно спящемъ Косогорѣ уже перекликались первые пѣтухи.

Друзьямъ-союзникамъ *).

У дикихъ береговъ пустыни Аравійской,
Мечтая о родной, покинутой землѣ —
Еще не такъ давно Имперіи Россійской,
Съ печальной думою я плылъ на корабль...

Средь представителей союзниковъ надменныхъ,
Встрѣчалъ я на себѣ съ презрѣньемъ иордѣйскій взоръ —
Награда Русскому Народу въ иноземныхъ
За нашу помощь имъ, за жертвы и позоръ...

Съ тяжелой горечью встрѣчая эти взгляды,
Я съ болью вспоминалъ миллионы тѣхъ могилъ,
Гдѣ храбро полегли Россійскіе отряды
За то, чтобъ цѣлый міръ великъ и счастливъ былъ.

Когда грозилъ тевтонъ всей Франціи позоромъ
И трепеталъ Парижъ, и старый Реймъ пылалъ, —
Въ Восточной Пруссіи стремительнымъ напоромъ
Мы въ битву кинулись, какъ моря грозный валъ...

Когда въ Италію весеннимъ ледоходомъ
Свирѣпыя полки воинственныхъ мадьяръ,
Какъ волки, бросились въ Галліцію напоромъ,
Мы грудью приняли тяжелый ихъ ударъ.

Когда въ колоніяхъ англійскаго владычя
Поднялся грозный бунтъ, какъ яростный примвь, —
Отряды русскихъ войскъ смирили тѣ волненья,
Коронъ англійской возставшихъ подчинивъ.

Сибирскіе полки пошлѣ подъ Варшавой,
За Польшу, за славянъ безтрепетно легли,
А братья же, въ союзъ вступившіе съ Варравой,
Съ Россіи по клочкамъ одежды разнесли...

А сколько русскихъ силъ ушло на Кавказъ,
Въ поляхъ Румыніи, въ скалахъ мусихъ пустынь!
Оставивъ родину, погрязишу въ заразы,
Они сражамся за честь чужихъ святынь...

И многіе еще союзникамъ заслуи
Вписала Родина въ скрижали міровой, —
Сама жъ взамятъ заслуи въ кровавомъ вихрѣ бури
Друзьями предана на горь и разбой...

Цѣной миллионовъ жертвъ, лишеній и страданья
Спасала честно Русь союзниковъ своихъ,
Но не было еще съ начала мірозданья
Того предательства, что видимъ мы отъ нихъ!..

Александръ Котомкинъ.

*) Данное стихотвореніе принадлежит перу нашего сотрудника, поэта А. Е. Котомкина (Савинскаго), въ настоящее время проживающаго въ Парижѣ.

А. Е. Котомкинъ (Савинскій) началъ работать на поэтическомъ поприщѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ автора извѣстной мистеріи „Царь Іудейскій“ — поэтъ К. Р., который своей вступительной статьей къ сборнику пѣсенъ А. Котомкина и поздравительной телеграммой при первомъ появленіи его стихотворенія въ журналѣ „Нива“ 14 ноября 1909 года какъ-бы благословляя своего ученика и собрата по творчеству на новый поэтическій путь-дорогу. Савинскій — псевдонимъ, по названію деревни Савиной, Казанской губ., изъ крестьянъ которой авторъ происходитъ.

Какъ большинство русскихъ талантовъ — самородковъ, А. Е. Котомкинъ, съ большимъ трудомъ, положивъ много здоровья, дошелъ до университета.

На литературномъ поприщѣ А. Е. началъ работать съ 1904 г.

А. Е. основалъ журналъ „Къ свѣту“ и былъ выбранъ редакторомъ этого журнала, издаваемаго Казанскимъ губернскимъ союзомъ увѣчныхъ воиновъ, членомъ котораго А. Е. состоитъ, какъ инвалидъ-участникъ міровой войны.

А. Е. Котомкинымъ написаны пьесы „Меченосцы“ (Ливонскіе рыцари) и „Янъ Гусъ“, прошедшія съ большимъ успѣхомъ на сценахъ Сибири и Урала.

Матъ королю.

Гремли выстрѣлы, лилася кровь рѣкою.
Игра закончилась громовымъ крикомъ «матъ»!
И подѣ безмысленно — восторженной рукою,
Шутя, погибъ Великій Петроградъ.

Народные вожди дешевенскимъ фальцетомъ,
Желая пробудить въ животномъ злой порывъ,
Въ семнадцатомъ году запыли передъ свѣтомъ
Давно потрепанный исторіей мотивъ.

Подѣ стоны осени, подѣ пьяный грохотъ бури,
Одѣвшись въ яркіе кровавые плащи,
Съ словами на устахъ о счастья и лазури
Явились жуткіе, какъ тѣни, палачи.

Безмозглая толпа смѣнила цвѣтъ матерій.
Играя звеньями разорванныхъ цѣпей,
Открыла съ хохотомъ незапертыя двери
Въ роскошные покои королей.

Гремли выстрѣлы, лилася кровь рѣкою.
Игра закончилась громовымъ крикомъ «матъ»!
И подѣ безмысленно — восторженной рукою,
Шутя, погибъ Великій Петроградъ

Леопольдъ Аксъ.

Дьяконъ Гусакъ.

Бываютъ такіе неуклюжіе, длинные гуси, особенно по веснѣ — въ худобу, — посмотришь на него, совсѣмъ человѣкъ. Въ моемъ разсказѣ — наоборотъ: я говорю о дьяконѣ, длинномъ и тощемъ, съ оранжевымъ носомъ (вотъ-вотъ загопочеть). И фамилія у него смѣшная — Гусакъ. Кажется, рясу онъ носитъ, чтобы скрывать перья, крылья и хвостъ, а сними съ него дьяконовскую хламиду и — совсѣмъ гусь.

Ходитъ онъ важно, степенно, съ полнымъ сознаниемъ своего дьяконовскаго достоинства, говоритъ баскомъ и въ носъ, словно служить въ соборѣ эктинію, но если ему приходится бесѣдовать съ прекраснымъ поломъ, въ одинъ мигъ преобразается дьяконъ. Глаза его становятся маслянистыми, какъ у гуся передъ бобовой похлебкой, и тогда говоритъ онъ скоро-скоро, слегка шепелявя и ласково мѣняя басокъ на простуженный теноръ.

Живетъ дьяконъ въ неуклюжей соборной квартирѣ, темной, сырой и холодной, съ десятками затѣйливыхъ сводовъ и нишъ, съ такими подоконниками у оконъ, что на нихъ

легко могли-бы разѣхаться два ломовыхъ извозчика. Цвѣтовъ дьяконъ не держитъ, да въ его удивительныхъ катакомбахъ они не прожили-бы и двухъ дней, такъ темно и не жизненно въ этихъ комнатахъ. Да дьяконъ и не любитъ цвѣтовъ. Зато политика — о, здѣсь онъ подобенъ настоящему Бисмарку и Галифѣ. Правитъ онъ государствами мудро и строго, но когда замѣчаетъ зловредность отдѣльныхъ партій, становится безпощаденъ. Не такъ давно онъ подвергъ уничтоженію свыше сорока отдѣльныхъ провинцій и казнилъ болѣе двадцати милліоновъ подданныхъ. Правда, все это произошло безъ кровопролитій, а просто въ бесѣдѣ съ безобидной дьяконицей, но развѣ все дѣло въ кровопролитіи, а не въ сущности этой изумительно-яркой политической натуры?

А какъ трогательно хорошъ этотъ удивительный человѣкъ, когда, запершись въ своемъ кабинетѣ, одинаково схожимъ и съ застѣнкомъ Торквимадо и съ погребомъ, онъ, при тускломъ свѣтѣ крохотной лампочки, ведетъ свой дневникъ!

Много за полночь. Давно уснулъ Божій міръ и только за толстыми стѣнами, тамъ гдѣ-то далеко въ мокромъ и шумномъ морѣ гудитъ, надрываясь сирена, да въ углу дяконовскаго кабинета возится старая, привыкшая къ хозяину церковная крыса.

Дьяконъ переворачиваетъ страницу и точнымъ каллиграфическимъ почеркомъ заноситъ въ дневникъ:

Чистка никкелированныхъ предметовъ и выводъ съ нихъ пятенъ.

Подлежащее удаленію пятна натираются какимъ-нибудь растительнымъ масломъ...

Долго и торопливо скрипитъ перо. Спящіе обыватели совсѣмъ и не подозреваютъ, какимъ подвигомъ на общее благо горитъ въ это время его честная заботливая душа.

Проходитъ часъ. Дьяконъ переворачиваетъ страницу и пишетъ:

Самое лучшее удобреніе.

Рекомендуемое нами для фруктовыхъ деревьевъ удобреніе суть оставшаяся послѣ стирки мыльная вода. Поливать ею растенія представляетъ тѣ выгоды, что такая вода убиваетъ насмерть всѣхъ насѣкомыхъ...

Въ спальнѣ дьяконицы часы захрипѣли и пробили два. Дьяконъ складываетъ дневникъ, прячетъ его въ ящикъ стола и достаетъ изъ-подъ комода толстую объемистую тетрадь. Это курсъ имъ составленной всеобщей исторіи. Пишется она просто. Сейчасъ уже перевалило на второй день, слѣдовательно, листокъ историческаго календаря обрывается и, перевернувъ его, дьяконъ вписываетъ въ тетрадь:

объ основаніи Москвы преданіе рассказываетъ...

каллиграфически выводитъ онъ на новой чистой страницѣ. А часомъ позже, когда въ окно начинается брезжить разсвѣтъ и церковная крыса благоразумно скрывается въ щель между комодомъ и ящикомъ со священными книгами, дьяконъ заканчиваетъ третью страницу, успѣвъ перевернуть на двѣ недѣли впередъ календарные листы.

И повелѣлъ онъ пятерыхъ рязанцевъ, взятыхъ въ плѣнъ, отпустить на свободу и сказалъ...

— Дьяконъ! — просовываясь въ открытую дверь, говоритъ заспанная, простоволосая дьяконица и, приподымая рубаху, застѣнчиво прикрываетъ грудь. — Скучно мнѣ, словно не хватаетъ чего-то. Шель-бы ты спать!..

— Уйди! — не отрываясь отъ писанія, говоритъ онъ. Дверь закрывается, въ небѣ дрожитъ розовый отсвѣтъ и гдѣ-то глухо рывкаетъ автомобильный гудокъ.

Но не только хозяйственно-историческіе вопросы волнуютъ дьякона Гусака. У него имѣется и третій дневникъ, особо сохраненный, таинственный, о которомъ только намеками знаетъ одна дьяконица и который вынимается изъ подъ спуда при исключительныхъ, особыхъ

и конспиративныхъ надобностяхъ. А за этотъ дневникъ будущіе поколѣнія безспорно воздадутъ дьякону неувыдающей памятью. Никогда и никто не заглядывалъ въ этотъ дневникъ. Только однажды, когда дьяконъ на короткое время вышелъ изъ комнаты по своимъ дѣламъ, скучающая крыса забралась къ нему на столъ и на нѣскольکو мгновений задержалась на дневникѣ. И если-бы крыса была грамотной, она-бы прочла:

Во имя сохранности Всероссійскаго Престола, надлежитъ строго слѣдить за Иваномъ Колбаскинымъ и за его женой полойкой Анисей, явно вредныхъ и преданныхъ свободнымъ идеямъ...

— Былъ день, когда дьяконъ Гусакъ явился ко мнѣ.

— Благословитъ Господь домъ вашъ! — зычнымъ баскомъ сказалъ онъ и, увидѣвъ мою жену, сразу перешелъ на простуженный теноръ. — Здравствуйте, дорогая хозяйюшка. А я вотъ по дѣлу. Есть тутъ одинъ эмигрантъ, отъѣзжающій въ невѣдомые края, въ Бразилію. И такъ, не взирая на болѣзнь ногъ и на общее разстройство желудка, рѣшилъ я на пользу русскаго человѣка изъ послѣднихъ силъ обойти своихъ добрыхъ знакомыхъ. Авось соберу бѣдному человѣку. Истинно сказано, что рука дающаго не оскудѣетъ. Подпишите бѣдному эмигранту.

Мы подписали, а черезъ мѣсяцъ встрѣчаю я въ городѣ „отъѣзжающаго въ Бразилію“.

— Что-жъ не поѣхали?

— Куда тамъ. Денегъ нѣтъ.

— А какъ-же подписка?

Отъѣзжающій улыбнулся и рассказалъ тайну братолюбиваго Гусака.

— Жилъ я у дьякона. Снималъ одну изъ его катакомбъ. Задолжалъ за пять мѣсяцевъ. Что дѣлать? Вотъ и предложилъ мнѣ дьяконъ ѣхать въ Бразилію. Вызвался собрать по подписному листу. И собралъ. И, слава Богу, не мало. Да, собравъ, выбралъ мой долгъ за всѣ за пять мѣсяцевъ и, вернувъ какую-то мелочь, выперъ изъ комнаты...

И зачѣмъ мнѣ рассказалъ все это отъѣзжающій эмигрантъ? Какъ хорошо было думать о рѣдкой добротѣ и заботливости дьякона Гусака. И вотъ, рухнуло все. Исчезла вѣра и въ добродѣтель и въ удивительную заботливость человѣка, ночами горѣвшаго подвигами на общее благо. Какъ мало намъ надо, чтобы мѣнять мнѣніе о людяхъ.

Влад. Гущикъ.

Да будетъ Воля Твоя!

Отрывокъ изъ поэмы

„Христось, Русь и Сатана“.

* *

*

Ни слезъ отчаянья, ни злобы, ни проклятья!
Стремитесь въ измученной душой
Къ несчастной Родинѣ, разсыпанные братья,
Какъ дѣти къ матери, любимой и родной...

Не мы-ли все повинны въ ея крови?
Не мы-ль стремились къ Свободѣ, какъ на турѣ?
Не мы-ли жаждали, какъ дѣти сказки, нови,
Передъ которой бы палъ въ бездну старый мѣръ?..

И кто изъ насъ тогда предвидѣлъ тѣ терзанья,
Которые пришлось всегдѣ намъ перенести?
Иль равныхъ въ жизни нѣтъ, имъ даже нѣтъ названья,
Ихъ даже Сатана не могъ избобрѣсти!

И мы пріяли ихъ, какъ Крестъ пріялъ Страдалецъ,
Но Онъ страдалъ за мѣръ, а мы за Русь свою.
Познай же святость всю кровавыхъ мукъ, скиталецъ,
Отдай всю жизнь за Русь, отдай ей душу всю!

Повѣрите: часъ пробьетъ — и наша Русь воскреснетъ,
Какъ Онъ, Христось, воскресъ для мѣра въ часъ святой,
Когда надъ нею вновь блеснетъ лазурь Небесъ, — нѣтъ,
Самъ Богъ появится надъ Русскою Землей!

Когда въ ея степяхъ, какъ Воля-мать, раздольныхъ
Раздастся пѣсь свободныхъ поселанъ
И на поляхъ средь нивъ и тучныхъ, и привольныхъ —
Вновь заблестятъ серпы и Дарій, и Ульянъ;

Когда отъ Каспия до бурнаго Урала,
Отъ Воли до Невы, отъ Камы до Днѣпра
Потянутся баржи зерна, сыръя и сала
Къ фабричнымъ городамъ съ утра и до утра;

Когда, какъ встарь, начнутъ шнырять въ нихъ пароходы,
На пристаняхъ рѣчныхъ работа закипитъ,
А окрестъ задымятъ мочуіе заводы —
И Голый Человѣкъ, одѣвшись, будетъ сытъ;

Когда въ немъ Красный Звѣрь исчезнетъ съ смертной раной,
И Божій образъ онъ вновь сможетъ воспріять,
И, сбросивъ съ головы колтакъ шутокъ багряный,
Сорветъ въ стыдъ съ чела онъ Камна печать...

Пуускай не мы, скитальцы, — наши дѣти
Дождутся той поры, диковинной, какъ сказъ,
Но все-жъ придетъ она, и близки годы эти:
Я слышу, какъ зоветъ Земля Родная насъ!

И Русь, Великая въ своей Голмоѣ страдной,
Воспрянувъ, озаритъ любовью мѣръ людской,
И, отряхнувъ съ себя пылъ жизни безотрадной,
Орлицею вспорхнетъ къ Вершинѣ Вѣковой.

Съездъ русской молодежи въ Пюхтицкомъ монастырѣ.

Это было ровно годъ тому назадъ.

Мы, члены огромнаго русскаго христіанскаго студенческаго Движенія, слетѣвшіеся съ разныхъ уголковъ русскаго разсѣянія, подходили къ древнимъ стѣнамъ Печерскаго Успенскаго монастыря, чтобы подъ благостнымъ ризнымъ освѣщеніемъ Богоматери, убиеннаго преподобнаго Корнилія и несмѣтной рати ушедшихъ иноковъ — печальниковъ и стояльцевъ за Русскую землю, устроить свой ежегодный съездъ.

Прошелъ годъ со дня нашего слета въ Печерскій монастырь и за это время должны были-бы улечься воспоминанія, потускнѣть впечатлѣнія, но, несмотря на все, эти воспоминанія не погасли, впечатлѣнія не ушли.

До сихъ поръ передъ глазами золотисто синее мерцаніе монастырскихъ куполовъ, буйный размахъ вѣковыхъ монастырскихъ дубовъ, рака мощей обезглавленнаго Грознымъ Корнилія Преподобнаго, звѣздистый свѣтъ передъ темными ликами угодниковъ, наши колѣнопреклоненныя молитвы въ сумрачномъ старинномъ храмѣ, нашъ съездъ, руководители, молодежь, жаръ нашихъ бесѣдъ, наше религиозное пыланіе. Прошелъ годъ, но до сихъ поръ въ ушахъ неумолчный звонъ монастырскихъ колоколовъ и напѣвы монашескаго пѣнія. Развѣ можно забыть Изборскъ съ его вѣковыми осыпающимися стѣнами, историческіе памятники далекой ушедшей Руси, древніе, древніе храмы и ту высокую гору, откуда бѣлымъ видѣніемъ промерцали намъ кресты бѣлаго Псковскаго собора, кресты Россіи — такой далекой и до такой степени близкой, что хотѣлось протянуть руки и коснуться ея ризъ...

На минувшемъ съездѣ въ Печерскомъ монастырѣ было пережито много незабываемыхъ часовъ. Цѣлый годъ мы питались впечатлѣніями минувшаго и въ теченіи цѣлаго года съ нетерпѣніемъ ждали лѣта, когда намъ вновь придется поѣхать на съездъ Движенія.

И, наконецъ, этотъ день наступилъ.

Мы поѣхали на съездъ, который, какъ извѣстно, состоялся съ 24 по 30 іюля въ Пюхтицкомъ Успенскомъ монастырѣ. Вначалѣ, конечно, досадовали, что съездъ не въ Печерахъ (какъ предполагали), а въ Пюхтицахъ и думали, что не будетъ прежнихъ красокъ, прежняго очарованія и тѣхъ впечатлѣній, какіе были въ Печерскомъ монастырѣ, гдѣ каждый камень, каждая стѣна освящены

стопами сѣдого прошлаго, но мы обманулись и нисколько не пожалѣли, что цѣлую недѣлю пробыли въ Пюхтицкомъ Успенскомъ монастырѣ. По силѣ, краскамъ, общему подъему и переживаніямъ, послѣдній съездъ не уступалъ прошлогоднему.

И такъ мы въ дорогѣ...

Въ маленькое, утонувшее въ зелени мѣстечко Левве, мы, члены Нарвскаго религиознаго философскаго кружка, прибыли рано утромъ. Въ это же утро должны были прибыть члены Движенія Ревеля, Печеръ и Валка. Съ понятнымъ нетерпѣніемъ и радостью стали ожидать пріѣзжающихъ. Ждать пришлось около двухъ часовъ. Въ разговорѣ, бесѣдахъ время прошло незамѣтно. Вдали показывается дымокъ паровоза. Нарастаетъ шумъ поѣзда. Всѣ мы выбѣгаемъ на платформу. Изъ поѣзда выходятъ они. Всѣ знакомые. Всѣ близки по прошлогоднему съезду въ Печерахъ. Первая партія движенцевъ налегкѣ, по хорошей дорогѣ, подъ жаркими лучами солнца пѣшкомъ пошла къ монастырю, который, какъ извѣстно, отстоитъ отъ Левве въ 18 верстахъ. Но это еще не всѣ. Въ часъ дня рижскій поѣздъ долженъ примчать членовъ Движенія изъ Парижа, Чехословакіи, Литвы и Латвіи. Нѣсколько человекъ остались въ Левве поджидать остальныхъ и уже съ ними направиться въ обитель.

Тихіе жители маленькаго соннаго мѣстечка Левве, кажется, за всю жизнь не видѣли такого огромнаго скопленія молодежи на ихъ маленькой станціи. Всѣ они съ любопытствомъ къ намъ присматривались и спрашивали о цѣли нашего скопленія въ монастырѣ. Когда мы рассказывали одному изъ почтенныхъ жителей Левве о своихъ задачахъ и цѣляхъ, то онъ съ большимъ чувствомъ пожалъ руку одному изъ насъ и сказалъ:

— Это хорошо, что молодежь идетъ къ Богу. Это такое рѣдкое явленіе въ нашей безбожной жизни. Помоги вамъ Богъ!

Въ часъ дня прибываетъ рижскій поѣздъ. Изъ вагоновъ звенящимъ, улыбающимся потокомъ выбѣгаютъ и остальные движенцы. Съ котомкой за плечами, въ пыльномъ дорожномъ костюмѣ, слегка утомленный дорогой, выходитъ изъ вагона отецъ Левъ Липеровскій. За нимъ отецъ Сергій Четвериковъ, настоятель рижскаго кафедральнаго собора протоіерей К. Зайцъ и др. У вокзала стоятъ грузовики и автомобили. Нѣкоторые

изъ насъ останавливаются передъ ними въ нерѣшительности.

— Дорога до монастыря дальняя... — разсуждаетъ одинъ изъ нашихъ — устанешь. Хорошо-бы на автомобильчикѣ. Скоро и хорошо.

Перспектива 18 верстъ проѣхать до монастыря на автомобилѣ слишкомъ заманчива, но въ это время раздается басъ отца Кирилла Зайца:

— Пѣшкомъ, господа, пѣшкомъ! Примемъ на себя подвигъ пѣшаго хожденія? А? На то мы и движенцы, чтобы двигаться!

Отецъ Кириллъ побѣждаетъ нашу нерѣшительность и всѣ мы, за малымъ исключеніемъ, пускаемся въ пѣшій путь.

И ничего не потеряли.

День выдался прекраснымъ. Дорога была хорошей, шли зелеными полевыми просторами.

Послѣ душныхъ дней, проведенныхъ въ каменныхъ, суетливыхъ городахъ было хорошо, по образу древнихъ русскихъ паломниковъ, проходить ржаными полями, маленькими деревенскими хуторами, душистыми лѣсами, забѣгать въ избы и пить молоко, встрѣчать стадо и слушать переливы пастушеской свирѣли.

— У меня такое впечатлѣніе,—говорила мнѣ одна изъ движенокъ — что сейчасъ рухнули всѣ проволочные огражденія и мы идемъ въ Россію! У васъ въ Эстоніи хорошо. Надъ вашей страной пробѣгаетъ русскій вѣтеръ! Вы почти живете въ Россіи.

За время нашего пути я со всѣми перезнакомился, говорилъ съ молодежью и вынесъ такое убѣжденіе, что молодежь православнаго русскаго студенческаго движенія полна живой вѣры, полна любви къ родной своей церкви и родинѣ, полна творческихъ силъ и жаждетъ великаго дѣланія на нивѣ Христовой.

Два рижанина. Оба въ высшемъ учебномъ заведеніи. На мой вопросъ: „что вы намѣрены дѣлать въ будущемъ?“ они съ глубокимъ убѣжденіемъ отвѣтили: „Мы желаемъ быть священниками. Среди нашей молодежи“, — заявили они — „много жаждущихъ принять бремя пастырства!“

„Идетъ новая Россія“ — подумалъ я — „осѣненная Христовымъ именемъ и какая-бы ночь не царил надъ русской землей, можно съ увѣренностью сказать, что ночь пройдетъ и наступитъ свѣтозарный день русскаго обновленія!“

Около бревенчатого хутора сдѣлали привалъ. Пили чистую колодезную воду, закусили и опять въ путь,

— Скоро покажутся кресты монастыря! — сказалъ кто-то изъ насъ. Всѣ мы напряженно стали всматриваться въ лѣсныя дали и когда поднялись на небольшой пригорокъ и уви-

дѣли золотое мерцаніе Успенскаго монастыря, мы перекрестились и запѣли: „Царице моя преблагая“.

Когда кончили пѣть, отецъ Левъ Липеровскій съ тихой молитвенной радостью сказалъ:

— Скоро и Москва! Ахъ, нѣтъ-же — поспѣшилъ онъ поправить свою ошибку — Не Москва, а Пюхтицкій Успенскій монастырь. Въ то время, когда вы пѣли, я думалъ о Москвѣ... Что у кого болитъ, тотъ про то и говоритъ.

Кресты монастыря потонули въ лѣсныхъ глубинахъ. До монастыря еще нѣсколько верстъ.

— Я почти устала, — говоритъ одна изъ рижанокъ — но какъ увидѣла кресты монастыря, усталости какъ не бывало! Крылья какія-то появились. Побѣжимте!

Она взяла кого-то за руку и вихремъ побѣжала впередъ.

— Смотри, стрекоза! — кричалъ ей вслѣдъ отецъ Кириллъ — устанешь, неугомонная!

Свѣтлая молодая радость шла съ нами. Эту радость излучали наши глаза, наши слова, далекія лѣсныя дали, встрѣчные цвѣты, промелькнувшіе кресты монастыря. И радость была еще болѣе значительной отъ того, что всѣ мы, въ разсѣяніи сущіе, разбросанные по всѣмъ уголкамъ земли, представляемъ одну семью, связанную общими идеалами, стремленіями и порывами.

Солнце склонялось къ западу и предвечернія тѣни легли на лицо земли.

Мы приближались къ монастырю.

Его пока не видно, но онъ чувствуется.

Съ той стороны, гдѣ лежалъ монастырь, дулъ вѣтеръ и въ его дыханіи была нездѣшная ласковость.

— Скоро монастырь... — говоритъ отецъ Кириллъ — скоро монастырь!...

При этихъ словахъ мой спутникъ—рижанинъ бросилъ въ поле маленькій пакетикъ.

— Что вы бросили? — спросили его.

— Бутерброды съ колбасой! — баскомъ заявилъ онъ—я хочу въ монастырь поститься!

Шагъ нашъ сталъ молитвеннѣе и тише. Ни смѣха, ни порывистыхъ движеній, ни громкихъ разговоровъ. Въ душу входило монастырское утишіе. Было тепло и ласково.

Навстрѣчу намъ бѣгутъ изъ монастыря, распростирая руки, нѣсколько человекъ. Это бѣгутъ встрѣчать насъ движенцы, прибывшіе въ монастырь раньше насъ.

Здороваемся, цѣлуемся. Всѣ знакомые, всѣ близкіе, всѣ родные.

Вдали бѣлѣетъ еще нѣсколько фигуръ, еще и еще. Опять поднимается шумный потокъ привѣтствій, разспросовъ, разговоровъ. Лица у всѣхъ возбужденные и радостные. Какая-то группа движенцевъ встрѣчаетъ насъ многолѣтнемъ. Въ этотъ моментъ, моментъ

встрѣчи русской молодежи, въ душѣ поднялись теплая волна, заулыбалось сердце и съ особенной остротой почувствовалось, что мы не одиноки, мы не брошены, мы огромная русская семья, мы Россія!

И вдругъ, во всей красотѣ, въ рамѣ пышной зелени, въ осѣненіи солнечныхъ лучей, показался Пюхтицкій Успенскій монастырь съ его зелеными главами...

Недоходя монастырскихъ вратъ, всѣ мы встали на пригорокъ и, глядя на монастырскіе кресты, общимъ хоромъ запѣли „Царице моя преблагая“.

Дальняя дорога забыта. Мы вошли подъ сѣнь обители.

Около трехсотъ человекъ движенцевъ размѣстились по монашескимъ келліямъ, монастырскимъ корпусамъ — нашъ-же братъ, мужской персоналъ, на сѣновалѣ. Послѣ вечерней трапезы, за которой, по древнему монашескому уставу, читали житія святыхъ, ударили въ колоколь и всѣ мы пошли въ храмъ къ вечернѣ, гдѣ сами-же читали и пѣли. Послѣ того, какъ отзвучали послѣднія молитвы вечерняго богослуженія, всѣ мы разошлись на ночлегъ. Но заснуть было трудно... За день много было впечатлѣній, до позднихъ ночныхъ часовъ мы, лежа на душистомъ сѣнѣ, все еще разговаривали. За годъ много у каждого изъ насъ накопилось мыслей и думъ. Хотѣлось излиться, отвести душу... Поздно, поздно склонился надъ нами сонъ и тихо убаюкалъ.

Рано утромъ зазвонили къ литургіи. Послѣ литургіи чай съ бѣлымъ монастырскимъ хлѣбомъ и послѣ маленькаго перерыва всѣ мы собрались въ обширной монастырской трапезной на открытіе сѣзда. Молитва и сѣздъ открылся. Оглашается цѣлый рядъ телеграммъ и привѣтствій. Ихъ такъ было много, что перечислять нѣтъ возможности. Запомнились телеграммы отъ митрополита Евлогія, митрополита Діонисія, митрополита Александра, архіепископа всея Латвіи Іоанна, епископа Елеферія. На сѣздѣ присутствовалъ нашъ національный секретарь Шиллингъ, который въ краткихъ, задушевныхъ тонахъ также привѣтствовалъ насъ съ открытіемъ сѣзда. Отъ имени сестеръ Пюхтицкой обители привѣтствовала насъ игуменья Іоанна. Вступительное слово предоставляется проф. Парижскаго Богословскаго института В. В. Зѣньковскому. Мы уже давно слышали о его исключительныхъ ораторскихъ способностяхъ, о его напряженной работѣ въ Движеніи и намъ особенно было пріятно слышать его выступленіе.

Докладъ В. В. Зѣньковскаго по своему построенію, отточенности фразъ, яркости красокъ и глубинѣ мысли оставилъ большое впечатлѣніе. Въ скупыхъ словахъ его нѣтъ возможности передать.

Приблизительно онъ говорилъ о томъ, что выходитъ изъ того тупика, въ который загнали насъ революція, политика и культура, только въ религіи. Необходимость строительства жизни на религіозныхъ основахъ особенно осознала русская интеллигенція. Та русская интеллигенція, которая когда-то сознательно уходила изъ церкви, теперь она вернулась въ церковь. Русскій народъ это — огромное зеркало, которое разбилось на тысячи кусочковъ. Надо собрать эти кусочки въ единое цѣлое. Русскій народъ и русскую молодежь, въ особенности, необходимо объединить. Надо стремиться къ единой правдѣ — Христовой. Касаясь сѣздовъ русскаго студенческаго христіанскаго Движенія, проф. Зѣньковскій замѣтилъ, что ни одинъ сѣздъ не производилъ такого огромнаго впечатлѣнія, какъ сѣздъ въ Прибалтикѣ. Это объясняется близостью Россіи, близостью монастырскихъ святынъ... Подробно останавливаться на докладѣ проф. Зѣньковскаго и др. нѣтъ возможности. Я въ своей статьѣ хочу передать только то общее впечатлѣніе, которое я вынесъ отъ сѣзда.

Послѣдующая часть сѣзда состоялась уже не въ душевной трапезной, а подъ открытымъ небомъ, за монастырскими стѣнами. На небольшомъ взгорьѣ, откуда открывался видъ на безконечныя красоты лѣсовъ, рощъ, равнинъ, въ тотъ-же день выступилъ съ докладомъ дьяконъ-докторъ Л. Н. Липеровскій. Онъ говорилъ о путяхъ строительства жизни, о необходимости заботиться не только о душѣ, но и о тѣлѣ. Ибо тѣло храмъ Божій. Отъ здоровья тѣла зависитъ и здоровье души. Чѣмъ больше бережнаго отношенія къ тѣлу, тѣмъ лучше сохраняется красота души. „Мнѣ, какъ врачу“, — говорилъ отецъ Левъ, „часто приходилось встрѣчать людей, которые, пренебрегая чистотой тѣла и разрушая его всевозможными наркотическими ядами и пороками, теряли всѣ свои духовныя цѣнности, теряли свой человѣчскій обликъ. Надо достигать гармоніи души и тѣла. Чтобы достигнуть этой гармоніи, нуженъ подвигъ нравственнаго совершенствованія“.

Послѣ докладовъ начались семинары. Семинары дѣлились на аскетическій (руководилъ епископъ Іоаннъ и прот. С. Четвериковъ), апологетическій (о. Левъ Липеровскій), религіозно-педагогическій (И. А. Лаговскій), практика Движенія, какъ разнообразіе формъ церковной жизни (проф. В. В. Зѣньковскій) и семинаръ о бракѣ (проф. Л. А. Зандеръ).

Каждый участникъ сѣзда выбиралъ себѣ семинаръ и шелъ за своимъ руководителемъ. Семинары происходили въ самомъ монастырѣ, за монастырскими стѣнами, въ лѣсу или въ полѣ. На этихъ семинарахъ молодежь дѣлилась со своимъ руководителемъ душевными запросами, душевными пережи-

ваніями, релігійозными сомнѣніями. Я, напр., былъ на апологетическомъ семинарѣ, гдѣ насъ знакомили съ методами борьбы съ безбожіемъ. Монастырь и его окрестности въ эти дни представляли необычайную картину. Куда ни пойдете, всюду группы молодежи, внимающія словамъ своихъ руководителей. Всюду, въ лѣсу, въ полѣ, въ монастырѣ, раздавалось Евангельское слово. Каждый семинаръ начинался и кончался молитвой.

Случайно, мимо одной изъ нашихъ группъ проходили два мужичка изъ ближайшей русской деревни. Остановились около насъ въ тотъ моментъ, когда мы кончали молитву по окончаніи семинара.

— Братцы! — сказалъ одинъ изъ нихъ — неужели вы въ Бога вѣруете и креститесь какъ православные?

— Вѣруемъ и крестимся! — отвѣтили.

— Да вѣдь вы, судя по обличью, какъ будто-бы изъ образованныхъ?

— Что-же изъ этого, родимые?

— Да образованные-то, комаръ ихъ зашь, въ Бога не вѣрятъ!

Когда мы имъ объяснили, что наша цѣль защищать церковь и бороться съ безбожіемъ, они только руками развели.

— Скажи на милость... — удивлялись они — даже господа профессора за Бога! Но еще больше они удивились, когда имъ сказали, что докторъ Липеровскій принялъ санъ дьякона.

— Докторъ?! Царица Небесная. Въ дедовнѣ разсказать, такъ не повѣрятъ! Вотъ у такого доктора и полѣчиться пользительно!

Въ два часа у насъ обѣдъ. Кормили монастырскими щами и кашей. И за обѣдомъ одна изъ движенокъ по древнему чину читала житіе святыхъ.

Вечеромъ мы опять собрались за монастыремъ, и подъ открытымъ небомъ руководителями релігійозныхъ кружковъ Прибалтійскаго движенія Риги, Двинска, Рѣжицы, Люцина, Ревеля, Юрьева, Нарвы, Печоръ и Валка была дана информация о работѣ Движенія въ Прибалтикѣ. За минувшій годъ во всѣхъ кружкахъ проведена огромная работа. Организовывались воскресныя школы для дѣтей, создавались благотворительныя кружки изучалось Евангеліе, богослуженіе, творенія св. отцовъ и т. д. Общее впечатлѣніе отъ этихъ докладовъ таково: православное движеніе молодежи ширится и крѣпнетъ. Создается огромный кадръ работниковъ на нивѣ релігійознаго творчества, создается Христова Россія въ противовѣсъ всему отравленному ядомъ революціоннаго безумія и большевистской пропаганды.

День 24 іюля окончился вечернимъ богослуженіемъ въ монастырскомъ храмѣ.

Послѣ вечерни, до наступленія ночи многія изъ насъ не расходились. Подъ звѣзд-

нымъ освѣщеніемъ ночного неба, среди монастырской тишины, обласканные свѣтомъ лампадныхъ огней въ монашескихъ келліяхъ, мы вели бесѣды то съ отцомъ Львомъ, то съ отцомъ Кирилломъ, то съ проф. Зандеромъ и др. О чемъ мы только не переговорили. И о душѣ, и о безсмертіи, и объ антихристѣ, и о сектантахъ, и о Россіи и т. д. И на всѣ вопросы, утомленные за день наши руководители отвѣчали съ большой готовностью и лаской. Съ большой неохотой расходились мы на покой. Мнѣ припоминается одна изъ картинъ сѣзда.

...Ночь на сѣновалѣ. Многіе изъ насъ спятъ. Тишина. Въ окно смотритъ ночь и тихіе купола обители. Вѣтеръ шелеститъ... Мерцаютъ звѣзды.

Со мной лежитъ бородатый, съ иконописнымъ лицомъ послушникъ монастыря, тоже членъ движенія, только что прибывшій на сѣздъ изъ Печерскаго Успенскаго монастыря.

Спрашиваетъ онъ меня.

— Сколько сейчасъ время?

— Часовъ 12 — отвѣчаю.

— Давайте перекрестимся съ вами?

Перекрестились.

— Зачѣмъ вы заставили меня креститься? — спросилъ я, удивленный его просьбой!

— Въ 12 часовъ ночи, — пояснилъ мнѣ послушникъ — Господь нашъ Іисусъ Христосъ со всѣми ангелами, архангелами, со всѣми святыми мучениками, преподобными и страстотерпцами проходитъ по землѣ и благоловляетъ и человѣка уснувшего, и птицу, и лѣснаго звѣря, и каждое деревцо, и каждую былинку... Послушайте, какъ тихо... Спаситель идетъ... и внимаетъ ему вся земля.

Отъ этого сказанія повѣяло далекой, далекой, милой, святой Русью, монастырской Русью.

Въ эту-же ночь поднялся къ намъ на сѣноваль отецъ Левъ Липеровскій. Обрадовались его приходу. Любимъ онъ былъ всему Движенію.

— Господа! — обратился онъ къ намъ. — Услышалъ Ваши голоса и рѣшилъ вернуться къ Вамъ и вмѣстѣ съ Вами помолиться!

Мы поднялись съ постели и встали на колѣни. Отецъ Левъ зажегъ свѣчу и сталъ читать молитвы на сонъ грядущій...

Этой ночной молитвы никогда нельзя забыть... Рѣдко кто изъ насъ въ жизни молился искренно, и рѣдкій изъ насъ постигалъ таинственную радость молитвеннаго общенія съ Богомъ, но въ эту ночь большинство изъ насъ поняло, какая огромная сила — молитва, если она свершается въ ночи.

Черезъ всѣ доклады, которые читались на сѣздѣ, золотистой нитью проходила мысль о любви къ Россіи, о служеніи Христу, о необходимости исканія чистоты, о томъ, чтобы мы не развѣивали и не утрачивали способности къ религіозному міропріятію, къ непрестанному предстоянію нашего чувства передъ Богомъ, чтобы любовь наша къ Родинѣ и Церкви выражалась не въ пассивныхъ формахъ, а полна была пыланія и дѣйства. „Смыслъ каждаго явленія“, говорили намъ, „его послѣдняя точка, смыслъ каждаго чувства заключается въ томъ, какое мѣсто оно имѣетъ въ Богѣ и вѣчности“.

Лейт-мотивомъ выступленій на сѣздѣ проф. В. В. Зѣньковского было: укрѣпленіе любви къ Россіи, освѣщенной свѣтомъ Христовымъ. „Берегите любовь къ родинѣ“ говорилъ онъ. „Любите ее и въ паденіи, и въ язвахъ, и въ униженіи, и въ страданіяхъ. Любите родной свой народъ и служите ему такъ, чтобы ваша личность, ваши заботы, ваше благополучіе были-бы на послѣднемъ планѣ. Родина дала намъ жизнь и мы должны служить ей до смерти!“

И. А. Логовскій въ своемъ докладѣ говорилъ о трагедіи современной культуры. Міръ сожженъ исканіями и тоской. Душу современнаго человѣка охватываютъ судорги. Человѣческое существо разодрано. Человѣкъ не находитъ мѣста. Современная культура убила живую душу, погасила красоту жизни, смяла мечту человѣка по идеалу. Человѣку хочется найти радость, но міръ настолько пропитался грѣхомъ, что не стало мѣста для радости. Современная культура изыскиваетъ всѣ способы къ утоленію человѣческой скорби, но не находитъ. Потому не находитъ, что она не создала поврежденности человѣческой души, что она забыла живую душу. Нашъ долгъ — преобразить міръ и дать ему радость. Эта радость въ Богѣ. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ не подниметъ своихъ глазъ къ небу, на землѣ будетъ ночь и міръ превратится въ черную шахту.

Дьяконъ-докторъ Л. Н. Липеровскій въ своей лекціи „Чѣмъ жила русская молодежь до революціи“ говоритъ приблизительно о томъ: „До революціи наша идеологія была мрачной, но намъ казалась она свѣтлой. Передъ нами разстилалась новая жизнь, построенная на основахъ свободы, равенства и братства. Къ этой жизни мы стремились. Новая жизнь обѣщала намъ счастье. Будучи студентами, мы ѣздили на заводы и фабрики и звали людей къ революціи. Многіе изъ насъ гибли въ ссылкахъ и на каторгѣ. Мы глубоко ошиблись. Мечты наши оказались поруганными. Мы искали счастье не тамъ, гдѣ оно находилось въ дѣйствительности.“

Когда въ Москву изъ за границы пріѣхалъ д-ръ Модъ и объявилъ, что онъ же-

лаетъ прочесть студентамъ лекцію о Христѣ, то мы, пронизанные революціонною ревностью, съ возмущеніемъ говорили: „не идиотъ-ли какой пріѣхалъ? Кто же въ наше время говорить о Христѣ?“

Несмотря на возмущеніе, мы пошли на лекцію. Какъ это ни странно, насъ, молодежи, собралось около пяти тысячъ человѣкъ. Когда раздались слова д-ра Модъ о Христѣ, среди насъ поднялся ропотъ.

Д-ръ Модъ говорилъ о томъ, что жизнь безъ Христа напоминаетъ человѣка, который замерзаетъ. Ему тепло. Но, несмотря на это кажущееся тепло, человѣкъ медленно умираетъ.

Лекція о Христѣ неожиданно насъ захватила. Большинство изъ насъ поняло, что счастье-то, смыслъ жизни, судьба всего человѣка зависятъ только отъ Христа. Въ Немъ счастье, а не въ нашихъ расплывчатыхъ грезахъ о новой жизни, построенной на основахъ свободы, равенства и братства. Результатомъ этой лекціи было то, что проф. Булгаковымъ былъ организованъ въ Москвѣ Христіанскій кружокъ. Нѣкоторые изъ студентовъ не могли допустить мысли, что ихъ коллеги члены христіанскаго кружка.

— „Можетъ быть вы организовали христіанскій кружокъ, а не христіанскій?“—спрашивали студенты.

И только теперь, когда надъ нами разразились громы и молніи революціи, мы поняли, что безъ Христа нѣтъ жизни, безъ Христа мы околѣнемъ отъ холода. Черезъ ночь, черезъ терновникъ я зову Васъ пойти къ Нему и только у Его ногъ мы найдемъ настоящее, живое счастье.“

Всѣ лекціи слушались нами съ живымъ интересомъ и долго служили темой нашихъ безконечныхъ бесѣдъ.

Большого вниманія заслуживаетъ также информация о финансовыхъ кампаніяхъ Прибалтики. Движеніе нуждается въ огромныхъ средствахъ. Эти средства собираются путемъ сборовъ. Каждый годъ члены кружковъ Движенія Риги, Двинска, Ревеля, Юрьева и Нарвы ходятъ изъ дома въ домъ и собираютъ средства на дѣло развитія среди русскихъ людей національно-религіозной работы. Изъ докладовъ участниковъ финансовой кампаніи было видно, съ какимъ самоотверженіемъ, терпѣніемъ и любовью производились эти сборы. На этихъ путяхъ много было обиднаго, горькаго, непріятнаго и только огромная любовь къ Движенію, забота о томъ, какъ-бы оно не заглохло среди русскихъ людей, заставляли ихъ пройти съ честью черезъ всѣ трудности.

Въ субботу, епископомъ Іоанномъ въ сослуженіи многочисленнаго духовенства, прибывшаго на свой пастырскій сѣздъ, была отслужена всенощная и въ воскресенье ли-

тургия. Послѣ малаго выхода была присоединена къ православію дѣвушка-лютеранка, тоже членъ нашего движенія. Монастырскій соборъ былъ переполненъ не только участниками съѣзда, но и посторонними, прибывшими изъ Нарвы, Сыренца, Ямъ, Овсово, Левве и др.

29 іюля всѣ мы исповѣдовались и на другой день причащались.

Исповѣдь длилась до 3 часовъ утра.

Надъ монастыремъ стояла ночь. Всѣ огни погасли и только въ храмѣ теплились одинокія свѣчи. Въ глубокомъ мистическомъ мракѣ шла исповѣдь. Передъ тѣмъ, какъ подойти къ священнику, всѣ другъ у друга испрашивали прощеніе. По искренности, глубинѣ молитвеннаго чувства и сокрушенія о своей грѣхovitости, это была одна изъ рѣдкихъ исповѣдей на моихъ глазахъ. Это была не формальная исповѣдь, а настоящее глубинное раскрытіе души передъ Богомъ. Въ дни исповѣди и причастія царили среди насъ особенная молитвенная углубленность, ласковость и та горняя тишина, какая бываетъ только передъ величайшимъ таинствомъ...

Изъ Нарвы должна была прибыть чудотворная икона Пюхтицкой Божьей Матери. За нѣсколько верстъ мы вышли ее встрѣчать. Молодежь несла икону на своихъ плечахъ и, несмотря на жаркій палящій день и пыль, всю дорогу пѣла церковные пѣснопѣнія.

Поля, дорога, солнце, небо, лѣсъ и пѣніе молитвъ сливались въ одну чарующую музыку и невольно передъ глазами опять встала она... Россія богоносная... Раньше только старость поднимала на свои плечи святыни русскаго народа, теперь же несетъ ихъ молодость... Не является-ли это прообразомъ, символомъ и знаменіемъ грядущей Россіи? Въ тотъ моментъ, моментъ встрѣчи молодежи съ святыней, я особенно ярко почувствовалъ шелестъ идущей святой Руси, почувствовалъ горячее дыханіе близкаго Возрожденія, близкаго восхода солнца!

За иконой Богоматери, высоко несомой молодежью, шли и профессора, и духовенство, и студенты, шель и мужикъ, и крестьянка... Раньше русская интеллигенція, отравленная ядомъ скепсиса, не принимала участія въ крестномъ шествіи народа, а, если и принимала, то шла отъ него стороной... Теперь же, у родныхъ святынь, всѣ слились въ одно Христово шествіе.

Никогда не забуду умиленія одной крестьянки, шедшей вмѣстѣ съ нами:

— И какъ это было умилительно глядѣть на всѣхъ васъ, молодыхъ, — говорила она, — не погнушавшихся идти съ нами, стариками, за Царицей Небесной!

Дни шли, и каждый день приносилъ намъ новую радость, новыя краски. Мы жалѣли уходящихъ дней. Боялись думать, что

скоро съѣздъ отмерцаетъ своими огнями и всѣ мы разлетимся въ разные концы, вернемся къ буднямъ, окунемся въ суету городской жизни.

Близился конецъ съѣзда.

Въ среду, 30 іюля мы приняли участіе въ проводахъ иконы Успенія въ село Сыренецъ...

Проводили ее за монастырскія стѣны, въ послѣдній разъ помолились передъ ней, пропѣли „Царице моя преблагая“ и вернулись въ монастырь на заключительное собраніе.

Въ послѣдній разъ пришли въ храмъ и отслушали прощальное молебствіе...

На этомъ ставлю точку. Трудно передать нашъ отъѣздъ. Слезы при разлукѣ съ монастыремъ, движенцами, руководителями Съѣзда ярче всякихъ словъ говорили о глубокой печали разставанія. Монастырь опустѣлъ. Всѣ мы разлетѣлись.

Со дня съѣзда прошло больше мѣсяца, но до сихъ поръ передъ глазами золотистое мерцаніе монастырскихъ крестовъ, черныя рясы инокинъ, лампадный свѣтъ въ окнахъ келлій, родные лица движенцевъ и въ ушахъ звучитъ родниковый звонъ монастырскихъ колоколовъ. Ничего нельзя забыть...

Когда я ѣхалъ въ Нарву, то вспомнилъ маленькій разсказъ:

На берегу моря сидятъ старикъ и маленький мальчикъ. Надвигается вечерній сумракъ и закатывается солнце.

— День умеръ... — шепчетъ старикъ.

— Больше не будетъ солнышка? — спрашиваетъ ребенокъ.

— Сегодня, дитя мое, солнышка не будетъ!

Мальчикъ задумался. Глядѣлъ на уходящее солнце и долго, долго думалъ.

— Дѣдушка! — спросилъ мальчикъ, — почему все хорошее такъ скоро кончается?

Подводя краткій итогъ пережитому на Съѣздѣ нашего Движенія, невольно хочется сказать словами мальчика:

— Почему все хорошее такъ скоро кончается?

В. Н.

Для постановки дѣтскихъ школьныхъ спектаклей

можно получить сказки:

„Ваня и Маша“ и „Красная шапочка“

въ инсценир. В. Никифорова-Волгина.

Съ запросами обращаться по адресу:
Нарва, Рыцарская ул. 10-12, кв. 15.

*Въ бѣломъ морѣ плывутъ корабли, корабли...
Паруса ихъ блестятъ, какъ атласъ.
Вотъ и все, что вы дать мнѣ могли,
Вотъ и все, что осталось отъ васъ.*

*На землю наступила дезмолвная тишь,
Воздухъ пьянъ этой сказкою ночи,
Только ты все молчишь и молчишь...
Я не знаю, что ждешь ты и хочешь.*

*Бѣлой ночи, гляди, улыбаются розы.
Въ облакахъ мимолетная легкая дрожь.
Развѣ ты не замѣтилъ въ глазахъ моихъ слезы
Оттого, что ты любишь, такъ любишь и лжешь.*

*А по морю плывутъ корадли, корабли...
Паруса ихъ блестятъ, какъ атласъ.
Вотъ и все, что вы дать мнѣ могли,
Вотъ и все, что осталось отъ васъ.*

Юрвевъ.

Л. Виснапу.

Мелочи провинціальной жизни.

На рубежѣ Россіи.

Въ Знаменьѣ звонятъ къ вечернѣ.

По улицѣ бѣжитъ пыль. У общественнаго крана откачиваютъ водой пьянаго. Изъ церкви выбѣгаетъ богомолець хватить „стопку“ въ ближайшемъ трактирѣ. Мимо придорожныхъ липъ, проходитъ сутулясь, монашка мѣстнаго подворья. Какой-то ревностный родитель держитъ между ногъ сынишку и деретъ его ремнемъ. На родительскую расправу съ любопытствомъ смотритъ выбѣжавшая со двора свинья и пытается ткнуть мальчишку „пяточкомъ“ въ голое мѣсто. За эту попытку и свиньѣ достается нѣсколько ударовъ ремнемъ, но свинья не чувствуетъ. Двѣ замшѣлыя старушонки горячо разсуждаютъ о старомъ и новомъ стилѣ. Доносятся визгливые слова:

— Новостильники пойдутъ въ геенну огненную, а старостильникамъ, ежели монархія будетъ, дадутъ денежное вознагражденіе!

Изъ трактира „вышибаютъ“ пьянаго парнишку. У парнишки, несмотря на жаркій день, одѣты валенки.

Лихо подбѣгаетъ полицейскій и тянетъ пьянаго въ участокъ. У парнишки соскочилъ валенокъ. Заглушая вечерній звонъ, пьяный, притоптывая валенкомъ, оретъ на всю тихую зеленую улицу:

— У меня цыганская кровь! Расшибу!

На кладбищенской улицѣ ребятишки играютъ въ рюхи и одна изъ палокъ чуть не сшибла монашку.

— Азіаты! — гнѣвается монашка, перебѣгая улицу.

По домамъ обносятъ чудотворную икону, прибывшую изъ сосѣдняго монастыря, и на зеленой улицѣ съ низкими сонными домиками и палисадниками, раздается грустное монашеское пѣніе.

И кругомъ звонъ. Звонятъ по новому стилю, звонятъ и по старому, внося путаницу и смятеніе умовъ въ старозавѣтную жизнь города.

За древними, помнящими времена Іоанна Грознаго, крѣпостными стѣнами шумитъ большая жизнь большихъ желѣзнокаменныхъ городовъ, а здѣсь въ захолустной части города неподвижная пыльная тишина...

Во всѣ времена года царятъ безлюдье, тишина и цѣпкая удушливая скука. Отъ скуки нѣкоторые изъ обывателей выходятъ ночными часами изъ домовъ и стрѣляютъ въ ночь изъ охотничьихъ ружей, перекрашиваютъ почтовые ящики, къ собачьему хвосту привязываютъ ржавую банку, а какіе-то „отупѣвшіе“ молодцы даже разобрали за

ночь чей то заборъ. Надъ городомъ пронесли грозы войны, революціи, волны сѣверо-западной арміи, но онъ сумѣлъ сохранить всѣ бытовья и характерныя особенности прошлаго. Тѣми-же неторопливыми старушечьими стопами ползеть русская провинція и разыгрываются тѣ-же сценки, живутъ тѣ-же типы, что и во времена Гоголя, Салтыкова-Щедрина и Чехова...

На простой телѣгѣ везутъ на кладбище покойника. Позади задумчивые родственники.

Проѣзжаютъ мимо трактира. Лошади скомандовали: „стоп“ и она остановилась. Задумчивые родственники забѣжали въ трактиръ, помянули усопшаго „стопкой“, и тѣми-же „похоронными шагами“ поѣхали на кладбище.

Въ церковной оградѣ столѣтняя старуха плакала.

— Что съ тобой, бабушка?

— Оскоромилась я, кавалеръ!

— Какъ-же это ты опростоволосилась-то?

— Да такъ, кавалеръ. Пришла я это въ храмъ Божій. Всю обѣдню простояла, поминанье подавала, за упокой родителей помолилась и по Божьему домой хотѣла пойти...

— Ну, и что-же?

— Согрѣшила я, кавалеръ. Не въ ту церковь попала. Оскоромилась, короче говоря.

— Чѣмъ-же оскоромилась-то?

Старуха утерла рукавомъ носъ и проныкала:

— Новымъ стилемъ, кормилецъ! Бахнули это въ колоколь, я это, не разобравъ, со слѣпу-то, пошла въ церковь къ новостильникамъ. Всю обѣдню нагрѣшница простояла, и не подумала, что стою съ еретиками. Что-то мнѣ на томъ свѣтѣ будетъ?

Человѣкъ на пенсіи. Всегда озабоченъ и дѣловитъ. Встрѣчаю его на улицѣ.

— Куда это вы такъ спѣшите?

— Бѣгу, — говорить, — на Петровскій форштадтъ, говорятъ, что тамъ какая-то дѣвица двойню принесла. Правда это или нѣтъ, не могу сказать, но пойду, узнаю. А потомъ зайду въ городскую управу узнать, зарегистрировался-ли въ отдѣлѣ гражданскихъ браковъ Миша Голубятинъ. Къ вечеру сбѣгаю на Ивановскую, тамъ, говорятъ, что Витя Дунайскій разводится съ женой и женится на своей прислугѣ. Утречкомъ думаю съѣздить на Смолку, говорятъ, что тамъ недавно произошло кровопролитное побоище.

— А вамъ для чего эти свѣденія-то?

— Да такъ. Съ дѣтства любознательнымъ былъ!

Бульваръ. Вечеръ. На бульварѣ много публики. На одной изъ скамеекъ сидитъ старый отставной педагогъ и шепотомъ считаетъ:

— Разъ, два, три... десять... двѣнадцать!..

Спрашиваю:

— Что вы считаете?

— Публику.

— А вамъ это для чего?

— Да такъ. 25 человѣкъ насчитаю, тогда домой ужинать пойду и на боковую.

Одинъ изъ заурядныхъ актеровъ справлялъ свой бенефисъ. Какъ извѣстно, ни одинъ бенефисъ не обходится безъ привѣтственныхъ телеграммъ и адресовъ. За этимъ-то вотъ дѣло и стало... „Что дѣлать?“ — задумались друзья бенефицианта. И надумали... Пока шло второе дѣйствіе, послѣ котораго должно было состояться чествованіе, одинъ изъ друзей забрался за кулисы и сѣлъ за составленіе телеграммъ отъ всѣхъ наиболѣе выдающихся артистовъ зарубежья. Къ удовольствію публики и растроганнаго бенефицианта, телеграммы были прочитаны.

Супружеская чета переѣхала на новую квартиру. Жить въ ней невозможно. Дымитъ печь. Зимой ледяной холодъ. Приходятъ къ хозяину: такъ и такъ, молъ, печь дымитъ, обѣда сварить нельзя, холодина... Нельзя-ли чтонибудь предпринять? — Пожалуйста, — добродушно соглашается хозяинъ, — обѣда, говорите, не сварить? Такъ приходите на мою кухню варить. Печь у меня огромная — мѣста хватить. Холодно, говорите? А вы ко мнѣ приходите грѣться, милости просимъ. Тепла хватить, а ремонта, при всемъ моемъ великодушіи сдѣлать не могу-съ.

Печать той-же провинціи лежитъ и на мѣстномъ кладбищѣ. Бросаются въ глаза оригинальныя надписи на крестахъ:

„Помяни мя, Господи, егда пріѣдиши во Царствіе Твое“.

„На семъ мѣстѣ покоится усопшая раба Божья. Уроженка Ямбургская, въ замужествѣ Гдовская, теперя Эстонска подана 69 лѣтъ Глафира Юнова! Вѣчная память“.

„На семъ мѣстѣ покоится Божій учитель“.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Отклики.

„Полевые цветы“.

Подъ этимъ симпатичнымъ названіемъ вышелъ въ гор. Нарвѣ № 1-й литературно-общественнаго журнала...

Можетъ быть главная цѣнность этого журнала заключается въ томъ, что въ немъ нѣтъ слѣдовъ старыхъ революціонныхъ профессионаловъ пера, а выходятъ на широкій, но трудный литературный путь молодыя силы.

„Полевые цветы“ — надо считать первой серьезной попыткой глубокожизненныхъ молодыхъ русскихъ силъ на литературномъ поприщѣ — рубежахъ Россіи.

Зарубежомъ, но и на рубежѣ родной земли выросли родные полевые цветы...

Почемъ знать — быть можетъ этимъ нашимъ полевымъ цвѣтамъ на рубежѣ нашей Родины, суждено сдѣлаться тѣмъ старымъ, красивымъ садомъ русскаго бытія, который, начиная цвѣсти за рубежомъ — раскинетъ свое цвѣтистое поле все дальше и дальше — въ нѣдра самой Россіи...

Въ это особенно хочется вѣрить, когда въ передовицѣ журнала, дышащей теплой лаской молодости, полной изящной грусти о родномъ, мы читаемъ слѣдующія строки, воспринимаемая нами, какъ безусловно искренней порывъ вѣрныхъ дѣтей Россіи:

„Бѣдные, не блещущіе красками, незатѣйливые цветы нашей поэзіи, нашихъ разсказовъ, нашихъ мыслей, чувствъ и думъ мы собрали съ поля русскаго рубежа.

Того рубежа, за которымъ такъ близка Россія, — такъ близка, что если пойти за городъ, къ лѣсу, то можно услышать дыханіе Россіи въ печальномъ перезвонѣ русской сельской церкви, въ шелестѣ березъ...

Наши цветы зацвѣлованы нашей болью, тоской по ней... — Россіи“...

Русскія молодыя силы, возвышая свой голосъ, высказывая свои чувства и мысли именно на самомъ рубежѣ „пресвѣтлаго, затвореннаго Китежа — Россіи“ — берутъ на себя большую, сложную, но и почетную задачу.

Ихъ голосъ, услышанный въ зарубежьи, можетъ быть услышанъ и въ самой подъяремной Россіи...

И высказывая чувства и думы, „собранныя съ поля русскаго рубежа“, — надо особенно фильтровать ихъ, чтобы дѣйствительно правдиво и ярко представить и молодость, и даже больную уже старость русскаго зарубежья, безпрестанно „взыскующаго“ своего Отечества... Особенно молодость, особенно ту молодость, которая, не запутавшись въ сѣтяхъ профессиональныхъ дѣльцовъ отъ политиканства, воспитываетъ все дальше

непоколебимый и красочный русскій духъ, неся „тихую ласку, тихій привѣтъ“... всѣмъ русскимъ, находящимся въ пути, всѣмъ усталымъ подъ бременемъ нашего странствованія, — т. е. всей Россіи, странствующей по неисповѣдимымъ путямъ Господнимъ къ своему блистательному будущему.

Нести привѣтъ и ласку своему же измученному народу, вливать въ его усталую душу бодрія пѣсни, красивые образы, ободряющія мысли — задача колоссальныхъ размѣровъ...

Но мы хотимъ вѣрить въ неизсякаемую русскость, а значить и силу нашей молодежи на рубежахъ Россіи и поэтому такъ горячо привѣтствуемъ ея „Полевые цветы“.

И хотимъ только предупредить, чтобы она въ своемъ служеніи русскому слову и искусству не сбивалась на „Порнографію мысли“, какъ наименовано одно стихотвореніе въ первомъ номерѣ „Полевыхъ цвѣтовъ“.

Отмѣтимъ другое стихотвореніе Л. Акс — „Хочу“, разсказъ В. Никифорова-Волгина (редактора журнала) — „Мать“ и его же этюдъ „Родные огни“; сказку „Пепель“ И. Зеньковского, интересную замѣтку С. Кленскаго „Русское крестьянство въ Эстоніи“ и сводку о „Днѣ русской культуры“ въ Эстоніи.

Что же касается остального литературнаго матеріала — необходимо болѣе критически относиться къ нему при приѣмѣ для напечатанія.

Полевые цвѣты, цвѣты плодоносныхъ полей рубежовъ нашей земли — должны быть ярки и красивы!

Мы кончаемъ нашу первую замѣтку о нашихъ полевыхъ цвѣтахъ на рубежѣ Россіи послѣднимъ четверостишіемъ „Полевые цветы“ А. и Г. Егоровыхъ въ томъ же журналѣ:

„За идею, за слитіе мысли и чувства
И за каплю бальзама для русской души.
За молитву предъ Богомъ родного искусства,
Я привѣтствую Васъ, „Полевые цветы“.

Бѣлградъ „Ц. В.“

А. В. Ланинъ.

Только что получилъ, наконецъ, такъ мною долгожданные Ваши „Полевые Цвѣты“ (два экземпляра). Признаюсь, я прочиталъ ихъ, почти не отрываясь, и скажу Вамъ искренне, что повѣяли они на меня ароматомъ бодрости, призывности и свѣжести, — юной, пронизанной лучами солнца, животрепещущей вѣры и призыва къ лучшему!..

Я искренно радъ выходу въ свѣтъ Вашего скромнаго, но такъ нужнаго въ наше

время журнала, -- и я вѣрю и знаю, что съ неменьшей радостью привѣтствовалъ бы Ваше доброе начинаніе и мой дорогой учитель по творчеству, поэтъ К. Р. (Вел. Кн. Константинъ Константиновичъ) — лирикъ свѣтлой души и настроеній.

Что дорого въ Вашемъ журналѣ, такъ это то, что нѣтъ въ немъ той изломанности и безцѣльнаго нытья и стихоплетной свистопляски à la футуризмъ и ему подобныхъ ходульных вывиховъ, которыми такъ беспощадно калѣчили и еще продолжаютъ калѣчить стихотворцы „не Божей милостью“ нашъ дѣйствительно прекрасный, многострунный, богатый и звучный языкъ! Хорошо и то, что Вы не гонитесь за „именами“, а даете просторъ и возможность заполнять Вашъ журналъ цвѣтами вдохновенія начинающихъ, еще нигдѣ непечатавшихся писателей и поэтовъ. Въ этомъ большая заслуга Вашего журнала. А еще бóльшая его заслуга — это та, что, не поднимая политическихъ вопросовъ, Вы всемъ существомъ своего журнала проводите одно и самое важное, какъ сказано въ Св. Евангеліи: „единое на потребу“ — любовь къ нашей Страдалицѣ Родинѣ — Россіи. И это, вмѣстѣ съ Вами, мнѣ даетъ возможность вѣрить, что Ваши „Цвѣты“, пусть они „поле-

вые“, не затеряются среди русскаго разсѣянія, а своимъ чистымъ, свѣжимъ ароматомъ привлекутъ многихъ и многихъ, какъ сотрудниковъ, такъ и читателей.

Журналъ Вашъ, при всей видимости отсутствія нужныхъ средствъ (денежныхъ), созданъ любовно и умѣло и производитъ впечатлѣніе цѣльности и выдержанности. Въ смыслѣ содержанія, какъ рассказы, такъ и стихи подобраны созвучно и очень удачно, не считая нѣкоторыхъ стихотвореній, авторы которыхъ, да и то въ концѣ, немножко не ладятъ съ цезурой. Но и это при дальнѣйшей работѣ придетъ. А настроеніе, содержаніе, замыселъ и непосредственность вдохновенія чувствъ образовъ, искренность и пониманіе сути поэзіи — все это у Вашихъ сотрудниковъ имѣется и даетъ право, при Вашемъ руководствѣ, ожидать лучшаго. Помогите Вамъ и всѣмъ Вашимъ сотрудникамъ Богъ на этомъ тернистомъ, но такъ нужномъ и славномъ пути!..

Этимъ, пока, заканчиваю свой отзывъ о Вашихъ первыхъ букетахъ „Полевыхъ Цвѣтовъ“ и прошу не отказать принять мой на нихъ откликъ — сонетъ, при семъ прилагаемый.

Парижъ.

А. Котомкинъ.

„Полевые цвѣты“.

Сонетъ.

Посв. В. Никифорову-Волгину

*Спасибо за Ваши „Цвѣты Полевые“, —
Всерускаго слова живые цвѣты!..
Они мнѣ напомнили дали родныя,
И юности свѣтлой былия мечты...*

*Я вспомнилъ Россію, луга заливные,
Раздолье, приволье, просторъ красоты, —
Гдѣ вилъ я изъ пшенизъ вѣнки золотые,
Не въдая горя, ни злой суеты...*

*Вдали отъ Россіи — Страдалицы милой,
Отъ Волжскихъ лѣсовъ, и полей, и луговъ,
Я чувствую снова душой неостылой
Ваши дружескій откликъ, мнѣ радость принесій!..
Примите жъ привѣтъ моей пѣсни воскресшей,
Въ честь первыхъ, такъ скромныхъ, но милыхъ „Цвѣтовъ“.*

Парижъ.

Александръ Котомкинъ.

Журналъ „Полевые цвѣты“ пришелся по душѣ русской молодежи въ Югославіи. Тяга къ чистому искусству, къ художественному творчеству, реально выражалась и выражается здѣсь въ небольшихъ юношескихъ кружкахъ, въ вечерахъ и изданіи книгъ молодыхъ авторовъ. Бѣженскіе условія, круговоротъ жизни, съ ея суматохой и спѣшкой, съ ея „модернизацией“ — фокстроттами и конкурсами красоты — не убиваютъ въ сердцахъ стремленія къ возвышеннымъ цѣлямъ и къ вѣчной красотѣ.

Въ русскомъ искусствѣ, широко и многогранномъ, какъ наши степи, какъ русская душа, всё уставшіе, всё мыслящіе, всё живые обрѣтутъ — цѣль, смыслъ и душевное равновѣсіе.

Суровая жизненная школа встрѣчаетъ русскую молодежь, едва сошедшую съ партъ Кадетскаго Корпуса или Русско-Сербской Гимназіи. Всѣ учатся и работаютъ. Польша въ Университетѣ, Польша мѣшай бетонъ, грузи кирпичи или сиди въ душной канцелярѣ. Казалось-бы, какая тутъ поэзія? И однако, то тамъ, то здѣсь, въ синей рабочей курткѣ видишь русскаго юношу, прислонившагося, въ часы обѣда, къ грудѣ балокъ и пишущаго что-то въ тетрадку. Стихи, прозу.

Сколько такихъ тетрадочекъ у русскихъ рабочихъ, у конторщиковъ, у маникюрщицъ и у русскихъ фабричныхъ работницъ. Я не хочу сказать, что всё поголовно здѣсь Пушкины и Гоголи. Но безусловно въ этихъ тетрадкахъ и въ купленныхъ на „дорогіе деньги“ изящныхъ альбомахъ есть и печать подлиннаго русскаго таланта. Сдѣлано мало, что-бы дать выходъ этимъ свѣжимъ силамъ, но надеяться надо только на самого себя!.. Сѣрѣя будни—это выраженіе, надъ которымъ можно только смѣяться — печать искусства, его прикосновеніе придаетъ жизни ту яркость, ту полноту, отъ которой уже многіе начинаютъ отвыкать.

Отъ „Полевыхъ цвѣтовъ“ дѣлается веселѣе и увѣреннѣе на душѣ. Они должны быть въ нашихъ рабочихъ комнатахъ, какъ символъ, какъ идея. Вотъ почему они дѣйствительно отвѣтили настроенію молодежи на далекихъ Балканахъ, шепнули ей сказку о неумирающемъ русскомъ духѣ, о томъ, что мы думаемъ и чувствуемъ одинаково вездѣ — сколько-бы тысячъ верстъ насъ не раздѣляло.

Димитрій Сидоровъ.

Бѣлградъ, 7 сентября 1930.

Шахматы.

Подъ редакціей П. Юхновскаго.

Задача № 3.

А. Уайта (Deutsches Wochenschach, 1912).

Бѣлые: Кр f5, Ф a4, С b3; п. a3, c3, d4, e5, f6 (8)

Черные: Кр h7, Л h8, С g8; п. c4, d5, e2, f7 (7)

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ четыре хода.

Этюдъ № 2.

Р. Александрова.

Бѣлые: Кр c6, К e6; п. c5, d4, g2 (5)

Черные: Кр h5, С g5; п. c4, f5, g3, g4, h6 (7)

Бѣлые начинаютъ и дѣлаютъ ничью.

Окончаніе партіи № 1.

Бѣлые (Алехинъ): Кр g1, Ф e2, Л b1, Л c4, С g5, К f3; п. a2, b2, f2, g2, h2 (11)

Черные (Штеркъ): Кр g8, Ф a6, С a5, К a4, Л a8, Л f8; п. a7, b6, e6, f7, d7, h7 (12)

Ходъ бѣлыхъ.

Окончаніе партіи № 2.

Бѣлые: Кр h1, Ф c2, Л c1, Л e1, С d3, С f2, К g1; п. a4, b4, c5, g2, h2 (12)

Черные: Кр g8, Ф h5, Л d8, Л f8, С c8, С g7, К f6; п. b7, c6, f4, g6, h6 (12)

Ходъ черныхъ.

Въ обѣихъ позиціяхъ выигрышъ былъ осуществленъ путемъ блестящихъ комбинацій, въ первой — бѣлыми, во второй — черными. Отыскать эти комбинаціи предоставляется читателямъ.

Такъ какъ до сего времени было прислано очень мало рѣшеній задачъ, помѣщенныхъ въ № 2 „Полевыхъ цвѣтовъ“, то опубликованіе рѣшеній откладывается до слѣдующаго номера.

Хроника.

Приводимъ подробнѣе свѣдѣнія о результатахъ Гамбургскаго турнира націй (см. Полевые цвѣты № 2): I чемпионъ міра Польша—48¹/₂; II—Венгрія—47, III—Германія—44¹/₂; IV—Австрія—43¹/₂; V—Чехословакія—42¹/₂; VI—Америка—41¹/₂; VII—Голландія—41; VIII—Англія—40¹/₂; IX—Швеція—40; X—Латвія—35; XI—Данія—31; XII—Франція—28¹/₂; XIII—Румынія—28¹/₂; XIV—Литва—22¹/₂; XV—

Исландія—22; XVI—Испанія—21½; XVII—Финляндія—18; XVIII—Норвегія—16. Призъ за индивидуальный лучший результатъ получилъ А. К. Рубинштейнъ (15 п. изъ 17), второе мѣсто занялъ молодой чешскій мастеръ Флоръ (14½ изъ 17), третье — американецъ Кажданъ (14 п. изъ 17); со ста-процентнымъ успѣхомъ игралъ за Францію чемпионъ міра А. А. Алехинъ, выигравшій всѣ игранныя имъ 9 партій. Въ женскомъ турнирѣ званіе чемпионки міра сохранила В. Менчикъ (Чехія).

Въ августѣ с. г. въ Льежѣ (Бельгія) состоялся международный турниръ, разыгравшійся очень интересно: въ 7 первыхъ турахъ чемпионъ Англии Султанъ-Ханъ набралъ 6½ очковъ и считался уже несомнѣннымъ побѣдителемъ, но затѣмъ счастье отъ него отвернулось, послѣднія 4 партіи онъ всѣ проигралъ и былъ обогнанъ С. Г. Тартаковымъ (Польша) — 8½ п.; III-V мѣста подѣлили чемпионъ Германіи Ахуесъ, Колль (Бельгія) и игравшій очень неудачно А. И. Нимцовичъ (Данія) — 6 п.; далѣе слѣдовали: Пшепюрка (Польша) и Томасъ (Англія) — 5½ п., Рубинштейнъ (Польша) и Венникъ (Голландія) — 5 п., Маршаллъ (Америка) — 4½ п., Султанбеевъ (Бельгія) — 4 п. и Плеси (Аргентина) — 3½ п. Въ сентябрѣ произошелъ большой международный турниръ во Франкфуртѣ на М., закончившійся побѣдой А. Нимцовича.

Въ Латвіи по случаю 30-лѣтняго юбилея Либавскаго шахматнаго турнира въ Либавѣ состоялись три турнира; въ важнѣйшемъ изъ нихъ, въ которомъ приняли участіе лучшие шахматисты Латвіи, побѣдителемъ вышелъ Аппенѣкъ.

28 августа въ Ревелѣ начался матчъ на первенство въ Эстоніи между чемпиономъ Эстоніи I. Тюрномъ и чемпиономъ Ревеля В. Микенасомъ по вызову послѣдняго. Закончился онъ 23-го сентября на 8-ой партіи побѣдой В. Микенаса (+5—2=1).

21 сентября въ Ревелѣ шахматная секція О-ва „Калевъ“ устроила первый всеэстонскій шахматный матчъ между командами городовъ Ревеля, Юрьева, Нымме, Феллина, Нарвы, Везенберга и Кукерса. Составъ команды — четыре человѣка. Составъ нарвской команды—Н. Кюттисъ, А. Саломонъ, Рих. Пруунъ и П. Юхновскій.

Побѣдителемъ оказался шахматный кружокъ о-ва „Калевъ“. Нарва заняла 6-ое мѣсто ниже Ревельскихъ и Юрьевскихъ обществъ и выше прочихъ городовъ.

Нарвскій лѣтній турниръ закончился побѣдой Н. Кюттиса и А. Саломона (+8), въ матчѣ на первый призъ побѣду одержалъ Н. Кюттисъ, далѣе слѣдуютъ бр. Рих. и Руд. Пруунъ (+5½), П. Юхновскій (+5), Ф. Мянниаги, А. Аниаго и А. Мауреръ (+3), А. Сиавди и В. Рудаковъ (+2).

Всякая ссыгана.

Курьезное вычисленіе.

Постройка храма Христа Спасителя въ Москвѣ обошлась, какъ извѣстно, въ 15.000.000 руб. серебромъ, вѣсъ которыхъ 16.600 пуд., считая каждый серебряный рубль въ 4 золотника 21 доля; если-бы эту огромную сумму потребовалось перевезти съ одного мѣста на другое, то для этого потребовалось бы 664 подводъ, полагая на каждую подводку по 25 пуд. на сумму 22.750 р.; если бы везти по желѣзной дорогѣ, то составилъ бы цѣлый поѣздъ въ 27 вагоновъ, изъ которыхъ каждый вмѣщалъ бы по 600 пуд. Если бы всѣ эти рубли сложить въ одну вертикальную колонку, то высота этой колонки была бы — 39 верстъ 31¼ саж., считая высоту каждаго рубля въ ¼ вершка, а если уложить ихъ въ прямую линію, то получимъ линію въ 468 верстъ 375 саж., считая діаметръ каждаго рубля въ ¾ вершка.

Полезный совѣтъ.

Натуралисты-любители, которые выращиваютъ комнатныя растенія, должны помнить, что растенія выигрываютъ отъ перемѣны окружающей обстановки такъ же, какъ и человѣческія существа.

Иногда растеніе, которое росло очень слабо въ одной комнатѣ, начинаетъ быстро развиваться, когда его переносятъ въ другую.

Самый маленькій фотографическій аппаратъ.

Наименьшей въ мірѣ камерой, которой въ дѣйствительности были сдѣланы снимки, является безъ сомнѣнія глазъ лягушки. При изслѣдованіи найдено, что, если лягушку подержать въ темнотѣ, то сѣтчатая оболочка глаза принимаетъ багряно-красноватую окраску, пропадающую или блѣднющую подъ вліяніемъ свѣта. Если же глазъ лягушки помѣстить передъ окномъ и оставить тамъ или экспонировать нѣкоторое время и затѣмъ зафиксировать 4% растворомъ квасцовъ, то оптограмма частично закрѣпится и удерживаетъ обратное изображеніе окна съ его рамами, какъ это и запечатлѣлось на сѣтчатой оболочкѣ. Доказываютъ, что такимъ простымъ фотографическимъ процессомъ можетъ быть сохранено послѣднее изображеніе, удержанное глазомъ мертваго человѣка или животнаго.

Точки, чувствующія боль.

Въ каждомъ человѣческомъ тѣлѣ есть 4.000.000 точекъ, чувствующихъ боль, связанныхъ нервами съ мозгомъ. Они, конечно, расположены въ иныхъ мѣстахъ гуще, въ иныхъ рѣже, такъ напр. они близко примыкаютъ другъ къ другу на концахъ пальцевъ и расположены въ отдаленіи другъ отъ друга на спинѣ. Каждый это можетъ провѣрить на себѣ. Для этого стоитъ лишь воткнуть двѣ булавки на разстояніи ¼ дюйма одна отъ другой въ кусокъ картона. Вотъ приборъ и готовъ. Теперь дотроньтесь пальцемъ до булавокъ и вы, конечно, почувствуете обѣ изъ нихъ. Если вы теперь приложите вашъ приборъ къ спинѣ, то вы почувствуете только одну точку. Другими словами, точки, чувствующія боль, на вашей спинѣ удалены болѣе, чѣмъ на ¼ дм. другъ отъ друга.

Извѣстно-ли вамъ, что

- Кровь проходитъ черезъ сердце со скоростью двѣнадцати верстъ въ часъ?
- Средній человѣкъ можетъ поднять въ два съ половиною раза больше своего собственнаго вѣса?
- Человѣческое тѣло производитъ въ продолженіи дня количество тепла, достаточное для растопленія 49 фунтовъ льда и доведенія жидкости до точки кипѣнія?
- Человѣкъ не можетъ существовать болѣе пяти минутъ безъ воздуха и болѣе семи дней безъ воды?
- Ласточка можетъ летать со скоростью 160 верстъ въ часъ?
- Первый велосипедъ былъ построенъ въ Парижѣ въ 1866 году?
- Около 8.000 розъ нужно для полученія одного золотника розоваго масла?
- Библия переведена болѣе чѣмъ на 500 языковъ?
- Наибыстрѣйшимъ существомъ на землѣ является американская муха *Cerphenetuya*, пролетающая въ часъ 1230 км., значить въ одну секунду 340 м.?

Поготовый ящикъ.

Парижъ — Гр. Стоянову: Мы будемъ очень рады войти въ контактъ съ Вашими молодыми литературными силами. Съ удовольствіемъ предоставимъ для нихъ страницы нашего журнала.

Прага — Студенту: Спасибо за Ваши сердечные пожеланія. Пишите намъ о жизни русскаго студенчества въ Прагѣ. Мы также болѣемъ ихъ болями и вѣримъ, что ночь пройдетъ и наступитъ свѣтлое утро возрожденія.

Бѣлградъ — И. Т.: 1 и 2-й номера журнала „Полевые цвѣты“ Вамъ выслали. Зовите Вашу молодежь къ совмѣстной національной работѣ.

Югославія — Д. Сидорову: Отвѣтъ посылаемъ письмомъ. Сотрудничеству Вашему мы рады.

Рига — Бездумному: Первая строчка Вашего стихотворенія „Греза“ взята у Вертинскаго, вторая у А. Блока, пятая у С. Есенина и жалѣемъ, что только три послѣднія строчки принадлежатъ Вашей музѣ. Совѣтуемъ дать названіе Вашему стихотворенію не „Греза“, а „Фаршъ“.

Ревель — С. Ф.: Вы пишете: „если Вы, почтенные издатели, желаете вдвойнѣ увеличить тиражъ Вашего журнала, то давайте иллюстраціи пикантныхъ голыхъ женщинъ“... Предложеніе можетъ быть и выгодное, но для насъ неприемлимое.

Юрьевъ — Г.: Ваша статья не подойдетъ.

Печеры — К. К.: Ваше стихотвореніе „Прощай, мамаша дорогая“ напечатано быть не можетъ. Однимъ словомъ: „прощай, поэтъ нашъ дорогой“.

Aegviidu — г. Ю. Полянову: Вашъ рассказъ „Паспортныя недоразумѣнія“ написанъ остроумно и живо. Въ ближайшихъ номерахъ нашего журнала онъ будетъ напечатанъ. Рассказъ „Похороны“ не подойдетъ.

Нарва — В. П.: „Прохватить“ Вашего лавочника, который „тухлу рыбу продаетъ“, мы не можемъ. Журналъ преслѣдуетъ исключительно литературно-общественныя цѣли.

Отвѣтственный редакторъ-издатель: Л. П. Аксъ, адресъ: Narva, Valge tän. Postimaja 36/26.

А.-О. ТОРМОЛЕНЪ и Ко.

Нарвское отдѣленіе.

Юальская 18, тел. 89.

Лучшіе въ Эстоніи радіо-аппараты отъ освѣтительной сѣти

Lorenz, Telefunken

работающіе безъ антенны.

Граммофоны

His Master's Voice
L I N D E X

Всегда послѣднія
НОВИНКИ
изъ граммоф. пластинокъ

ЭЛЕКТРОТЕХНИКА.

Лучшее получите тамъ, гдѣ самый большой выборъ.

Цѣны внѣ конкуренціи. Разсрочка платежа.
Торговцамъ обычная скидка

Всѣ читайте литературно-общественный журналъ

ПОЛЕВЫЕ ЦВѢТЫ

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

	въ Эстоніи	заграницею
на годъ	— 4 кр. 20 ц.	— 1 дол. 20 ц.
на $\frac{1}{2}$ года	— 2 кр. 10 ц.	— 60 ц.
на $\frac{1}{4}$ года	— 1 кр. 05 ц.	— 30 ц.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

$\frac{1}{1}$ стр. — 30 кр., $\frac{1}{2}$ стр. — 15 кр., $\frac{1}{4}$ стр. — 7.50 кр., $\frac{1}{8}$ стр. — 3.75 кр.

На обложкѣ на 25% дороже. Повторные объявленія по соглашенію.

Цѣна отдѣльнаго номера въ Эстоніи 35 эст. центовъ, заграницею 10 ам. центовъ.

Въ продажѣ во всѣхъ кіоскахъ и книжныхъ магазинахъ.

Товарищество

НАРВСКОЙ ЛЬНОПРЯДИЛЬНОЙ М-РЫ

бывш. Льнопрядильная Фабрика барона А. Л. Штиглица.

г. Нарва.

Изготавливаетъ:

**льняныя и джутовыя ткани,
пряжу и нитки,
брезенты и мѣшки.**

Ревельская контора:

Ревель, Большая Брокусова гора, д. 10, кв. 2а.

Телефонъ № 9-13.

Въ началѣ октября выходитъ большая однодневная газета-сборникъ изъ статей
и произведеній молодежи

ко Дню Русской Культуры

НОВЬ № 3.

Въ номерѣ отдѣлы: художественно-литературный, литературно-историческій, критическій, научный, ииформационный и др. Особая страница о русской деревнѣ въ Эстоніи. Иллюстраціи.

Получены матеріалы изъ Эстоніи, Латвіи, Чехословакіи, Германіи, Югославіи, Польши, Финляндіи, Бельгіи, Мессопотаміи, Франціи и другихъ странъ.

Въ номерѣ 12 страницъ. Цѣна 15 центовъ (съ пересылкою 20 ц.) Перепродавцамъ и книжнымъ магазинамъ 20% скидки. Заказы по адресу: Tallinn, Narva maantee № 6-а. Русская Гимназія. Редакціонная коллегія „Новь“.

Еженедѣльно по воскресеньямъ въ Ригѣ выходитъ

„НАША ГАЗЕТА“

ОРГАНЪ РУССКОЙ МОЛОДЕЖИ ЗАРУБЕЖЬЯ.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА ВЪ ЭСТОНІИ: на 1 мѣс.—Екг. 0.60, на 3 мѣс.—Екг. 1.60,
на 6 мѣс.—Екг. 3.20. Цѣна отд. № — 15 центовъ.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВЪ ЭСТОНІИ: **Таллинъ:** К. Тобонъ, Kullasepa uul. 8.
Дерптъ: А. И. Черновъ, Küütri t. 3. **Нарва:** В. Никифоровъ-Волгинъ,
Рыцарская 10-12 к. 15.

Адресъ редакціи: Latvija, Riga, Elizabetes ielā № 55.

КЪ ОСЕННЕМУ СЕЗОНУ

предлагаю своимъ уважаемымъ покупателямъ большой выборъ

КОСТЮМОВЪ, пальто и матерій.

Въ большомъ выборѣ **ДАМСКІЕ МѢХА** разныхъ сортовъ.

- М. Х. ТИМОФЕЕВЪ -

Убѣдитесь лично въ моемъ магазинѣ по Балтійской ул. 10.

Цѣны самыя общедоступныя.

Съ сов. почт. М. Х. Тимофеевъ.

Наслѣдники

А. Г. Григорьева

Нарва.

Телеф. № 150.

Сущ. съ 1863 г.

**Типографія.
Переплетная.
Линевальная.**

**Книжный и писчебумажный
магазинъ.**

**ОБОИ.
Стѣнной картонъ.**

Торговля электрическихъ, радио и спортивныхъ принадлежностей

Нарва. Почтамская ул. 51

В. МУСТЬ

(бл. Петр. пл.), телеф. 33.

Торговля увеличена. Получены въ большомъ выборѣ всевозможные
радіо-аппараты, ихъ части; лампы „Philips“, „Valvo“ и т.д.

Богатый выборъ всевозможныхъ электрическихъ принадлежностей: электрическіе утюги, чай-
ники, арматуры, лампы и т. д. Домохозяйствамъ большая скидка.

Спортивные принадлежности: всевозможные мячи, сѣтки, футбольные сапоги, гимнастическіе
туфли и т. д. Игры „Корона“ и „Фортуна“. Цѣны доступныя.

Чемоданы. Дорожки изъ линолеума.

Первоклассная гостинница

НЬЮ-ІОРКЪ

Нарва, вблизи вокзала.

Музыка.

Музыка.

Отличная кухня.

Чистые уютные номера.

Вина, водки и ликеры мѣстнаго и заграничнаго изготовленія.

Извѣщаю уважаемыхъ покупателей, что въ моемъ магазинѣ по **Юальской 18**
имѣется большой выборъ **ОСЕННИХЪ и ЗИМНИХЪ ПАЛЬТО**, а также

разныхъ **МѢХА** сортовъ.

Большой выборъ **дамскихъ и мужскихъ костюмовъ** изъ мѣстнаго и
заграничнаго матеріаловъ. Цѣны самыя умѣренныя.

Съ сов. почт. **И. ФИЛИМОНЦЕВЪ**

Извѣщаю своихъ уважаемыхъ покупателей о переводѣ

колоніального магазина

А. П. Евстафьева

съ Юальской ул. № 7. на Вышгородскую ул. № 20.

Съ сов. почт. **А. Евстафьевъ.**

Ar 930 P
Полевые

Нарвское Общество Взаимнаго Кредита

Основано въ 1873 году.

Нарва, Вышгородская ул. 18,
тел. 159.

Производитъ всѣ банковскія операціи, какъ-то:
учетъ векселей, приѣмъ денежныхъ суммъ
на текущій счетъ, инкассо векселей
и разныхъ документовъ и пр.

Корреспонденты

во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Эстоніи.